

НОВЫЙ ГРАД

ИНСТИТУТ
НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
Академия наук СССР

под редакцией

И. Бунакова и Г. Федотова

47-753

9-10

П А Р И Ж

1934

От Редакции

Еще одна зима, полная кошмаров, ушла, а катастрофа, нависшая над миром, еще не наступила. Кажется даже, что сгущившиеся тучи войны нѣсколько разсѣялись. Войну предсказывают уже не через мѣсяцы, а через годы. Во всяком случаѣ, Европа получила отсрочку своего приговора, и от нея самой зависит, как она ею воспользуется для своего возможнаго спасенія.

Что же собственно произошло за эту зиму? Произошло то, что анти-версальская коалиція держав, готовившая войну для передѣлки карты Европы, распалась. И развалил ее не кто иной как Гитлер, сумѣвший сразу оттолкнуть от Германии двух сильнѣйших союзников: С.С.С.Р. своей безпощадной борьбой с коммунизмом и Италию своим натиском на Австрію, угрожающим в Тироль непосредственно интересам Италии и косвенно ея вліянію в восточной Европѣ. В этом пока единственные положительные плоды новаго германскаго режима. Вѣроятно, сам Гитлер тут не при чем. Но при том массовом безуміи, каким является национализм в его современной расистской формѣ, нація, заболѣвшая им, становится опасной для всѣх сосѣдей. Все искусство политиков — вождей больной страны — может лишь в малой мѣрѣ смягчить послѣдствія этого добровольнаго изгойства. (Перестраховка с Польшей).

Парадоксальным образом горячка милитаризма, охватившая Германию, устранила непосредственную угрозу войны. Устранила, но не уничтожила. В мирѣ существуют два фокуса латентной войны, двѣ націи, которыя грезят войной и возлагают на нее свои упованія. Если Германия, в сознаніи своей технической слабости, прикрывает военную подготовку миролюбивыми рѣчами, то Японія словно нарочно создает шум вокруг своей экспансіи. Подобно Германии, она множит число своих врагов, — повидимому, нерасчетливо и бесполезно — сразу вооружая против себя С.С.С.Р. и Соединенные Штаты. Уже теперь намѣчавшійся русско-японскій конфликт заслонен дру-

Содержаніе:

От редакціи.....	3
Г. Федотов. Наша демократія.....	11
И. Буцаков. Покоя не будет.....	26
П. Вицилли. Проблема свободы в наше время.....	47
Н. Бердяев. Исканія соціальной правды молодой Франціей.....	56
А. Савельев. Дѣло Рузвельта.....	65

Идеи и жизнь

Г. Федотов. Молодая Англія.....	79
С. Жаба. План труда.....	81

Книги

Н. Лосский. Сетницкій. О конечном идеалѣ. — Б. С. Изболдин. Friedrich v. Gottl-Ottlilienfeld. Der Mythos der Planwirtschaft. — Г. Ф. Федор Степун. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. — Г. Ф. «Меч» ..	89
---	----

гим, болѣе грандіозным по своим міровым отголоскам: японо-американским.

Ослабленіе Лиги Націй и крушеніе конференцій о разоруженіи кладет конецъ эпохѣ бріандизма. Его внутренняя порочность была ясна для всѣх. Он покоился на двусмысленном сочетаніи подлиннаго, хотя и недорого стоющаго миролюбія с защитой своего достоянія: *beati possidentes*. Мы не склонны подозрѣвать в цинизмѣ то, что было лишь человѣческой слабостью. Признаемся, что предпочитаем великодушную слабость уходящей эпохи подлинному цинизму бандитов сегодняшняго дня, для которых національный интерес или мощь не нуждаются ни в какомъ высшемъ оправданіи.

Пока воля бандитов скована внѣшней *force majeure*, не все еще потеряно. Правда, Европа вступает в полосу новой погоны вооруженій, подобной началу столѣтія, и мы слишком хорошо знаем цѣну «вооруженнаго мира». Однако, поколѣніе, пережившее такую войну, нелегко мобилизовать снова. Носителями военной заразы являются преимущественно тѣ молодые, кто еще не пробовал удушливыхъ газов. Не исключена возможность и внутренней эволюціи или краха несущихъ войну держав. Эволюція итальянскаго фашизма можетъ дать нѣкоторое удовлетвореніе для оптимистов. Ни одинъ идеальный принципъ попрежнему не сдерживаетъ идеологій безграничнаго національнаго эгоизма, которымъ живетъ итальянскій народ. Но здравый смыслъ вождя обезвреживаетъ до нѣкоторой степени тотъ яд, которымъ он отравилъ душу Италіи. Уже можно говорить об Италіи Муссолини, как о факторѣ европейскаго равновѣсія или даже мира. Пока ничто еще не обѣщаетъ такой же эволюціи гитлеризма. Но она все-таки возможна. Наконец, Японія сдерживается не только воздушнымъ флотомъ С.С.С.Р., но и слабостью своего собственнаго соціальнаго тыла. Ея классовые антагонизмы, нищета трудящихся массъ таковы, что подрываютъ вѣру в устойчивость этого новаго гегемона Азіи. В одинъ прекрасный день революція можетъ снести ее с такой же легкостью, как и ея соперницу, имперію Россійскую.

Все это, конечно, не фундаментъ для строителей новаго міра, но лишь передышка, которой они должны воспользоваться. Состязаніе на короткую дистанцію добрыхъ и злыхъ силъ за «ку-

бок» жизни европейской культуры — продолжается. С перевѣсомъ на чьей сторонѣ?

За эти мѣсяцы демократія, все еще «спящая» (см. № 7 «Новаго Града»), получила ряд новыхъ ударовъ и предостереженій. Она погибла в Австріи, она тяжело ранена в Испаніи, во Франціи она вдруг увидѣла под ногами разверзшуюся пропасть.¹⁾ Испанская ситуація слишкомъ напоминаетъ — пока — классическую схему XIX вѣка с непремѣннымъ реакціоннымъ исходомъ классовыхъ противорѣчій, раздирающихъ революцію, чтобы обѣщать какіе-либо уроки для будущаго. Очевидно, иберійскій міръ (включая латинскую Америку) духовно живетъ наслѣдіемъ прошлаго: это арьергардъ Европы, повторяющій былые бои когда-то мятежной водительствовавшей — Франціи.

Австрійская обстановка, естественно, напоминаетъ ближе всего Германію — с тѣми смягченіями, какія вноситъ гуманистическій духъ старой Вѣны, національная антипатія къ гитлеризму и католичество. Как и в Германіи, отступающая демократія нашла своихъ единственныхъ защитниковъ в лагерѣ социалистовъ. Но это обстоятельство явилось и ближайшей причиной ея гибели.

Мы не можемъ отказать въ уваженіи рабочимъ бойцамъ Вѣны, павшимъ с оружіемъ для защиты свободы. Своей гибелью — предопредѣленностью которой, вѣроятно, сознавали сами вожди — они до извѣстной степени смыли позоръ II Интернаціонала, столь безславно сдавашагося врагу в Германіи. Ихъ бесполезный подвигъ можетъ быть сравненъ с обреченной же борьбой бѣлой Россіи, которая, будучи не въ силахъ остановить лавину исторіи, спасала по крайней мѣрѣ честь родины. Но, как в Россіи, так и в Австріи, сама идеологія ронсевальскихъ героевъ заключала въ себѣ источникъ пораженія. Соціалдемократія Австріи, безсильная перестроить общество, стремилась внутри его использовать свою относительную силу въ интересахъ пролетаріата. Это общій порокъ всего II Интернаціонала. Лишь по Марксу, по схоластической доктринѣ, классовый интересъ пролетаріата совпадаетъ с интересами всѣхъ угнетенныхъ и всего человѣчества. В дѣйствительности, в Австріи, как и в другихъ мѣстахъ, относительное рабочее благополучіе покупалось за счетъ крестьянства и интел-

¹⁾ Уже во время печатанія статьи телеграфъ принесъ извѣстіе об анти-парламентскихъ переворотахъ в Латвіи и Болгаріи. Кто слѣдующій?

лигенции, еще больше обездоленных, и вызвало к жизни давно знакомый фашистский блок. В итогъ — диктатура геймвера и официальное построение корпоративного государства на развалинах парламентской демократии.

Мы не имеем данных для оценки корпоративного государства Дольфуса. В его отвлеченных принципах мы готовы узнать отражение наших идеалов. Новый строй может развиваться в направлении социальной демократии. Но может оказаться и ширмой для социальной реакции. Рождение его из контр-революции не является благоприятным симптомом. Легкое наименование «христианским» государственного строя, возникшего на крови и на гибели политической свободы, производит особенно тяжелое впечатление. Будущее покажет, какое место в уже многочисленной семье фашистских народов займет Австрия, если — или пока — ей суждено независимое от Германии существование.

Франция, вместе с Англией, оставались до сего дня последней цитаделью парламентарной демократии. В февраль парламентаризм во Франции получил тяжкий удар. Правительство, опиравшееся на нормальное большинство Палаты, должно было уйти под давлением мятежной парижской улицы. Коалиционное министерство, управляющее Францией, возникло не по почину парламента, который лишь терпит его, как единственную гарантию своего собственного существования. Февральские дни вскрыли в парижском населении такую ненависть к депутатам — носителям национального суверенитета, — которая в сущности исключает возможность представительной демократии. Правда, Париж не вся Франция. Провинция внесла свои коррективы в настроение Парижа и отвела намеченный правыми государственный переворот. Но, несомненно, что анти-парламентарные настроения развиваются широко и в провинции. Они питаются двумя постоянными фактами французского политического строя: неустойчивостью парламентских кабинетов и коррупцией. Последняя, впрочем, характеризует не столько политический, сколько социальный и духовный кризис Франции. Она разбьедает не одну политическую среду: суд, полиция и пресса дали свою долю поживы для любителей сенсаций. За всеми частными скандалами всех уличенных и еще скрывающихся Стависских лежит глубокая деморализация французской жизни под

влиянием спекулятивного финансового капитала. Процент, обособившийся от всякой деловой и организационной функции капитала, — процент, как самоцель для безчисленных франтъе, не ломающих себя голову над использованием помещенных ими сбережений, — и неограниченная жажда наживы финансовых хищников создает обстановку, где отличить честного банкира от Стависского до Устрика становится чрезвычайно трудно. Капитал утратил всякое подобие респектабельности, сохранив почти безграничное влияние во всех сферах публичной жизни. Как же не быть гниению?

К сожалению, пресса сумела заслонить этот основной факт политической и уголовной сенсацией. Мало кто во Франции глядит за поверхность явлений. Для одних дело Стависского сводится к скандалу лъваго картеля (как пикантна демонстрация парижской биржи, приветствующей падение Даладье!); другие не идут дальше раскрытия фашистского заговора против республики. Политическая ярость выведенного из равновесия обывателя обратно пропорциональна его социальному радикализму. Вместо глубоких реформ он удовлетворился бы — фигурально или в натуре — головой противника. Во всем левом секторе парламентской Франции лишь несколько человек, идущих за Маркэ и Бержери (нео-социалисты и «младорадикалы») ощущают социальную основу потрясеней. Остальные ищут спокойствия и равновесия. Для правых правительство старцев, коалиционность которого исключает возможность подлинного творчества, кажется достаточным прикрытием от бури.

Иное мы видим во внепарламентских группах и течениях. Тут социальные темы почти всегда доминируют. Приглядываясь к так называемым «фашистским» организациям (комбатантов, налогоплательщиков, Огненного Креста) мы видим ясно выраженные требования регулирования хозяйственной жизни, борьбы с экономическим кризисом, с финансовым капиталом. Нечего говорить, что идеалистические группировки молодежи (Esprit, Ordre Nouveau, Troisième Force и др.) все выдвигают социальную и духовную проблему впереди политической. К сожалению, на улице политика доминирует, и именниками оказываются неизбежно коммунисты и Action Française.

Однако это брожение социальной мысли и нравственного

чувства показывает, что Франция еще жива. Сейчас можно лишь гадать о том, какое развитие получат духовные силы пробужденного народа, если раковая опухоль капитализма, разъедающая его, будет так или иначе удалена. Утешительно, что при всей ненависти к режиму, раскрывшейся столь внезапно, нигде не чувствуется ненависти к свободѣ. Очевидно, центрально-европейскій фашизм имѣет мало шансов во Франціи. Но поставленная перед нею проблема — социальной и политической реформы — сохраняет всю свою грозную остроту. Пока еще не видны и намеков на ея практическое рѣшеніе.

*
**

Россия снова волнует нас загадочными измѣненіями своего еле армага от нас лица. Перевернулась новая страница кровавой диктатуры. XVII съѣзд коммунистической партіи прошел под знаком здраваго смысла, борьбы с лѣвацким загибом, с готовностью низоваго аппарата. Диктатор свалил на своих подручных вину за фактическій провал пятилѣтки, за подрыв народных сил, за голод и разореніе прошлаго года. Нѣкоторый отказ от доктринерскаго коммунизма замѣтен в деревнѣ: колхозы вмѣсто коммун, частичное возстановленіе личнаго хозяйства, вольнаго рынка. Этого было достаточно, чтобы спасти страну от голода и вернуть ей (как в башкирской сказкѣ об овцах в избѣ мужика) ощущение матеріальнаго благополучія. В зарубежь эта перемена отразилась преувеличенными ожиданиями в нѣкоторых кругах. Уже провозглашена кое-към национализация сталинизма, уже кое-кто начинает укладывать чемоданы для возвращенія на родину. Здѣсь вполне уместно напомнить к себѣ сталинскій совѣт — беречься «головокруженія». Сохраним трезвость. Мы не знаем, что принесет завтрашній день, но день вчерашній предупреждает нас. Не одна весна в большевистской Россіи была убита морозом коммунистической реакціи. Нѣп Ленина был во-истину передышкой для палачей. Сталин раз уже дал передышку для раскулаченнаго черезчур быстро крестьянства. Послѣ голода прошлаго года новая приостановка вполне естественна. Она легко может сойти на нѣтъ при первом благоприятном измѣненіи в хозяйственной конъюнк-

турѣ. Однако есть в этой сталинской веснѣ и кое-что новое. Во-первых, она совпала с крутым поворотом во внѣшней политикѣ. С.С.С.Р. возвращается в систему западных держав, и именно в версальскій (консервативно-демократическій) лагерь, по-рывая традиціонный союз с Германіей. Опасность с Востока на-прягает всѣ силы страны, заставляя власть дѣлать широкія уступки для населенія дальне-восточной окраины и свертывать красное знамя в Европѣ. В войнѣ с Японіей мировой пролетаріат не придет на помощь Россіи, но вполне реально помощь Соединенных Штатов и, может быть, Франціи.

Но, если для этого сближенія с капиталистическим міром можно искать аналогій из эпохи Генуи и Рапалло, то совершенно не имѣет прецедента частичное свертываніе марксизма внутри страны. Поход против марксистскаго обществовѣднія в школѣ, возстановленіе исторіи, возвращеніе в университет ряда «буржуазных» историков свидѣтельствует о разочарованіи в самых методах (или основах?) марксистскаго воспитанія. Может-быть, и это только проблеск здраваго смысла у неизлечимаго маниака, но, может-быть, и первый шаг к выздоровленію. Судить рано. Если же это поворот серьезный, то позволительно задать себѣ вопрос, что он сулит Россіи, каковы новые этапы ея жестокаго пути.

Замѣчательно, что послѣдняя весна в Россіи нисколько не отразилась на режимѣ всеобщаго государственнаго рабства. Скорѣе наоборот, она усиливает режим личной деспотіи. Никогда еще партійная оппозиція (единственная форма политической оппозиціи в Россіи) не была так задушена, как сейчас. Никогда печать не доходила до такого пресмыкательства перед диктатором. В Россіи в этом году не ѣдят людей, но их по-прежнему убивают, а главное, обращают в рабство. Трудом рабов и крѣпостных строятся гиганты заводов, проводятся каналы, колонизируется дикій сѣвер. Самоновѣйшая тенденція в этой области выражается скорѣе в отказѣ от дорогой и неподходящей для Россіи американской техники в пользу дешеваго и безответнаго рабскаго труда. Россія эволюционирует замѣтно — но в сторону не свободы, а древне-азиатскаго (если угодно, московскаго) крѣпостнаго царства. Отказ от революціонных мировых задач позволяет говорить о фашизаціи большевизма.

Возможно, что сталинизм и есть русская форма фашизма, и что другого фашизма в России не будет. Неблагополучно только с идеологией. Марксизм непригоден для национального обихода, и, хотя сталинские философы давно толкуют его на свой лад, тем не менее разрыв между идеей и действительностью очень глубок. Лишь безыдейность современной молодежи, надорвавшейся на пятилѣткѣ, позволяет пока закрывать глаза на этот разрыв. Будущее покажет, понадобится ли новый идейный кризис, чтобы смѣнить диктатора и его негодный аппарат, или же вывѣтриваніе марксизма пойдет и дальше в порядкѣ дифференціалов. Одно мы знаем твердо. Сегодняшній облик России нам столь же ненавистен, как и вчерашній. Борьба со сталинским фашизмом является для нас таким же священным долгом, каким была борьба с пережитками ленинского коммунизма — на путях к подлинному просвѣтленію лица России.

Наша демократія

Не нужно быть пророком, чтобы видѣть, что парламентарная демократія в Европѣ доживает послѣдніе дни. Страна за страной отрываются от демократическаго берега и бросаются в темныя волны диктатуры в поисках совершенно невѣдомаго новаго строя. В центрѣ Европы Швейцарія и Чехословакія, на сѣверѣ Скандинавскія страны с Голландіей остаются пока единственными устойчивыми островками демократіи. Теперь и Францію нельзя к ним причислить. Но ясно, что, если произойдет обвал Франціи, то никому не устоять. Уцѣлѣет, пожалуй, Англія, с ея системой тысячелѣтней давности — единственная страна, гдѣ парламентаризм туземное, а не привозное растение. Может-быть, здѣсь он сумѣет приспособиться к новым требованіям жизни, — хотя и в Англіи недовольство режимом крѣпнет, и, даже помимо слегка комических здѣсь фашистов, растет число приверженцев корпоративной или иной, новаго типа, демократіи.

Ближайшая, самая поверхностная причина, объясняющая столь легкое и повсемѣстное крушеніе демократических режимов, — это их слабость. Демократія нигдѣ не умѣла защищать себя: она погибает почти без сопротивленія. В сущности, эта причина могла бы быть достаточной. Режим гнилой и ненавистный народу может существовать десятилѣтія, держась на штыках. Зато самый идеальный правопорядок не просуществует и нѣскольких лѣт, даже мѣсяцев, будучи беззащитным. Любой бандит имѣет больше шансов основать государство, нежели философ. Новѣйшая исторія лишній раз подтвердила эту истину. В политикѣ слабость не только несчастье, но и порок. Не умѣя защитить себя, власть тем болѣе не в силах осуществлять отвѣтственных рѣшеній, вести народ к творчеству новой жизни. Слабость демократіи сказалась всего сильнѣе в послѣвоенную эпоху, которая воспитала цѣлое поколѣніе на крови, приучив видѣть в насиліи добродѣтель. В этом элементарном смыслѣ демократія гибнет в Европѣ жертвой войны. Это гото-

вы признать всё её защитники, которые пытаются этим фактом смягчить горечь её утраты: демократія-де слишком хороша для нашего жестокаго времени. Она воскреснет, когда мир преодолѣет кровавый кошмар войны.

Однако, не одна война убивает демократію. Для нея оказывается смертельным и социальный вопрос, перед которым поставлен современный мир. Я думаю, не будет преувеличеніем сказать, что мы живем уже в эпоху социальной революціи, — величайшей, какія знало когда-либо человечество. Современному государству поставлены гигантскія социальныя задачи, не разрѣшив которых, оно гибнет. Огромная отвѣтственность, воля, работоспособность требуются от вождей народа. И в эти дни демократія разоблачает не только свою беззащитность, но и свое безволие.

В Германіи, гдѣ Гитлер пришел через демократію, она умерла уже раньше естественной смертью. Демократическій режим сдѣлался невозможным из-за отсутствія парламентскаго большинства. Парламентское большинство, которое казалось чѣм-то естественно-данном, само собою разумѣющимся в XIX вѣкѣ, теперь достигается все с большим трудом. Въ специфически англо-саксонской системы двух партій, большинство почти всегда создается лишь коалиціей партій, т.-е. цѣной компромисса. Но самая обостренность политической борьбы, самая грозность поставленных исторіей социальных проблем, дѣлает партійное соглашеніе почти невозможным. Так парламент отказывается служить, когда власть всего нужнѣе — как насущный хлѣб. Не удивительно, что народ ищет и создает ее внѣ стѣн парламента.

Исчезновеніе большинства является результатом партійной системы в обстановкѣ обострившейся политической борьбы. Эта система, непредусмотрѣнная ни в одной из конституцій, во Франціи прямо враждебная духу якобинской республики сдѣлалась жизненно необходимой для парламентаризма. Без нея политическая машина просто не может быть пущена в ход — мы увидим далѣе, почему. Но в итогѣ партійный чиновник или партійный агитатор стал типом парламентарія и поставщиком министров. А ргіогі ясно, что для партійной борьбы требуются инныя качества, чѣм для управления государством. Крас-

норѣчіе, интриги, вѣрность доктринѣ создают карьеру партійных вождей. Для государства нужны знаніе, опыт и свобода от предвзятых мнѣній. Для большинства партій выборы и выборная борьба исчерпывают круг внѣпарламентской работы. Но в условиях современности, с её средствами грубой рекламы и массоваго «дѣйствія», выборы развертываются в грандіозную эпопею лжи и гипнотическаго одурѣнія масс. Политическая мысль доводится до крайняго примитивизма. Лозунги сталкиваются с лозунгами, подкрѣпляемые, в лучшем случаѣ, остроуміем, в худшем и обычном — клеветою и игрой на низких страстях: классовой, національной, религиозной алобы. Демагога часто сравнивали с царедворцем. Но царедворцы бывают плохими министрами. Демагог, изучившій искусство льстить народу и вести его к урнам, не может требовать у него жертв и вести на подвиг.

Было время и столь еще близкое, что наше поколѣніе его помнит — когда политик, и именно парламентскій политик, был подлинным вождем народа. Отдавая дань демагогії (как министр самодержавнаго монарха придворному этикету), он умѣл сохранить вѣрность идеѣ, и служеніе ей очищало его от грязи партійной борьбы. За идеи (свободы, социализма) шли в тюрьмы, умирали, жертвовали всѣм. Такіе политики могли водить за собой, а не только маневрировать. Но, с одной стороны, вырожденіе идей, с другой, коррупція, вносимая в политику финансовым капиталом, убили политическій идеализм. Тип политика измельчал. Люди культуры, просто порядочные люди все болѣе уходят из политической жизни, предоставляя ее ловким оратором и сомнительным дѣльцам. Политика стала дѣлом презрѣнным, парламентаріи предметом глумленія. Среди них, конечно, есть не мало честных людей. Но в честность их не хотят вѣрять, как не вѣрят в честность министров выродившейся монархіи. Народ не узнает себя в своих представителях. Нельзя и вообразить, что он станет защищать их своей грудью, когда его избранники подвергнутся насилию. Но без этой готовности парламентскій режим невозможен. Он покоится на довѣрїи и на волѣ народа, и не может держаться на полиціи, как монархія — хотя бы в десять раз болѣе упадочная.

Так протекает закат демократіи. Народ ушел от нея — да-

же в тѣх странах, гдѣ она еще существует. Въ ея он ищет своих вождей и избранников. Потому что политика не умерла. Наца эпоха безконечно далека от политическаго индифферентизма, и, если чѣм страдает, то никак не малокровіем, а скорѣе полнокровіем политики. К великой соціальной проблемѣ наших дней — один путь: чрез политическую волю, чрез концентрацію всѣх сил народа в отвѣтственном и увѣренном в себѣ водительствѣ. И вожди находятся, вожди ведут — куда?

Фашистскія диктатуры, в такой же мѣрѣ, как и коммунистическая, суть органы для соціальной революціи. Но отвлечемся сейчас от их соціальной роли и взглянемся исключительно в их политическую структуру. Могильщики демократіи, утверждающіе совершенно новый тип государственнаго властвованія, какую политическую форму они несут с собой?

Прежде всего ясно, что, не взирая на абсолютизм их теорій, фашистская форма государства является — по самой природѣ своей — временной и переходной. Она покоится на неограниченном личном обаяніи вождя, который в дисциплинированной партіи концентрирует и направляет революціонную энергію масс. Но всѣ эти три момента преходящи. Вожди старѣют и умирают, партіи перерождаются, народы изживают революціонную лихорадку и возвращаются к мирному труду. Кто будет нести государство, кто будет выражать «народную волю» в пореволюціонную эпоху? Теоретически здѣсь возможны три случая. Или фашизм есть мост к цезаризму, к наслѣдственной имперіи, гдѣ вчерашняя партія перерождается в бюрократическій аппарат. Тогда вперед слишком знакомая полоса абсолютизма с его возможностями технической цивилизаціи, но с непремѣнным отмираніем политики и, постепенно, всякаго динамическаго напряженія в духовной культурѣ. — Новая имперія Діоклетіана-Константина, как ее провидит Шпенглер. Второй возможный исход — это партія, «отбор», который увѣковѣчивает себя в качествѣ новой аристократіи организаторов труда. Он становится новым классом или даже кастой — быть может, наслѣдственной. В перспективѣ сначала духовная, а потом, может-быть, и физическая деградация масс, поработенных новым «сверхчеловѣчеством». — Это одна из утопій Уэльса. И, наконец, остается третья возможность — демократической

эволюціи фашизма. Эта возможность заложена в создаваемой им корпоративной (или совѣтской) системѣ. Если она окажется достаточно жизненной, то именно она может пережить и замѣнить сошедшаго со сцены вождя и выродившійся партійный отбор. Но корпорация строится снизу, это форма организаціи и самоуправления трудящихся масс. Сама из себя она способна создавать и квалифицированный отбор и вождей — необходимые, по Аристотелю, аристократическій и монархическій моменты всякаго, и демократическаго государства. Тогда фашизм будет лишь переходной ступеню к новой, корпоративной или соціальной демократіи. И это единственный, по нашему убѣжденію, исход, который спасает европейское человѣчество — или, по крайней мѣрѣ, создает соціальныя условія для спасенія — от гражданской смерти.

Мы исходили из предположенія об имманентной эволюціи фашизма. Если в этот процесс вмѣшается революціонный фактор, он может воздѣйствовать в пользу демократическаго исхода. И, наконец, у демократіи есть еще не малыя площади на политической картѣ Европы и Америки, гдѣ она вольна распорядиться своей судьбой: вольна избавить свои народы от горькой чаши тираніи и сама выполнить ту задачу, которую — выполнит или нѣтъ фашизм, неизвѣстно, — но которую он провозглашает своим дѣлом. Эта задача двоякая: экономическое преобразование общества и созданіе новых политических форм соціальной демократіи. И мы видим, что Америка в серьез и вплотную подошла, по крайней мѣрѣ, к первой из этих задач. Итак, вопреки очевидности сегодняшняго дня, мы убѣждены, что для демократіи не все потеряно. Что ей принадлежит будущее. Когда разсѣется пыль, окутывающая мѣсто стройки, когда уберут дѣса, новое зданіе европейскаго общества — столь же отличное по своему стилю от XIX вѣка, как архитектура Лекорбюзье от класической *Chambre des députés* — будет все же новой формой демократическаго, а не иного государства. Демократія умерла, да здравствует демократія!

Для большинства, как друзей, так и врагов демократіи в наши дни она неразрывно связана с формулами XIX вѣка. Ея защитники и противники берут ее *en bloc* — так, как она сложилась в буржуазно-парламентарных странах уходящей эпохи.

От того имя ее стало теперь ненавистным для новых поколений. Партия, которая рискнула бы теперь написать на своем знамени демократію, даже нео-демократію, теряет много шансов на популярность. «Новый Град» не партия, «Новый Град» не популярен, нам нечего терять, и потому мы защищаем демократію.

Но, защищая, прежде всего необходимо определить ее. Что мы считаем постоянным и существенно ценным содержанием этой идеи в изменчивости ее исторических форм? Историк всегда говорит о демократіи в ином, более широком смысле, чем политик. Для последнего она явление конца XIX века, для первого она дана в республиках древней Греции и Рима, в средневековых коммунах, в Великом Новгороде — в таких формах, которые имеют мало общего с современным парламентаризмом. Что же такое демократія?

Я отвлекаюсь от чисто социального понимания ее, как строя, действующего в интересах народных масс, низов народа. В этом смысле фашизм и коммунизм, конечно, демократичны, — как, может-быть, демократичны по своим тенденциям древне-московское царство и диктатура цезарей. В политической демократіи народ является чем-то большим, чем объектом попечения власти. Демократія сама есть власть народа. Источником власти в ней является народная воля. Из этих понятий, смысл которых теперь почти утрачен, надо исходить. Попробуем анализировать понятие власти или воли народа, чтобы найти его политическую сердцевину. Мне думается, что оно содержит ~~в~~ равно-необходимыя идеи. Первая относится к символу, вторая к социальной действительности. Символ в политикѣ не последняя вещь. Для иных форм, например, для монархій, — это все. Монархія живет исключительно силой иррационального символа. Но и демократія живет ею, и когда мистика символа умерла, вырождается и политическая форма. Этот символ, эта мистика в демократіи есть имя народа. В демократіи все вершится именем народа, как в Англии именем короля (почему Англия и не может быть чистой демократіей). Народ мыслится живой личностью, более глубокой и мудрой, чем все составляющія его личности — «сыны народа». Его волю, нередко глубоко скрытую, нужно найти

и исполнить. Если эта воля может погрѣшать, то она же несет в себя и возможность искупления. Эта мистика народа, существовавшая в язычества и в христианствѣ, у нас всего ярче выражена была славянофилами, которые не зря связывали ее с идеей соборности. Позитивизм к ней слѣп и глух. Он пытается «очистить» демократію от ее мистического привкуса, и этим подрывает самые ее корни.

Этой мистики демократіи, однако-же, недостаточно. Мы знаем, что славянофилы не были демократами, ибо передавали царю всю силу власти. Необходима политическая реализация «народной воли». Как определить ее? Всеобщим голосованием? Плебисцитом? Но плебисцит, устанавливающий имперію Наполеона, кладет конец демократіи. Римская имперія всегда хранила память о своем происхождении из народной воли. Декреты сената и военные пронуциamento, передававшія неограниченную полноту власти новому цезарю, свидѣтельствуют о демократическом происхождении принципата. Но принципат не демократія. Верно то, что голосования, независимо от их способа и формы, составляют неотъемлемую черту демократической техники власти. Но суть не в них, а в чем-то, что лежит за ними. Это «что-то» мы могли бы определить, как самоуправляющийся народ. В демократіи народ не слагает с себя заботы об «общем дѣлѣ» — res publica, — но весь, в полном составѣ своих граждан, несет государственное служение и государственную отвѣтственность. Конечно, это служение ложится не на всех в одинаковой мѣрѣ: не одинакова и та политическая отвѣтственность, которая падает на каждого. Еще важнѣе подчеркнуть, что самоуправление народа, проведенное последовательно, принимает формы не только государственнаго народовластія, но и мѣстнаго, муниципальнаго и профессионально-хозяйственнаго самоуправления. И послѣднія, частныя формы, быть может, для народных масс являются более существенными, чем высокая политика, участие в которой всегда грозит сдѣлаться номинальным для непосвященных. Во всяком случаѣ, лишь на основѣ частных самоуправлений может строиться политическая власть народа. Без этой основы демократія ничѣм не защищена от перерождения в цезаризм. Для демократіи существенно, чтобы каждый гражданин в той или

иной формѣ, свободно и активно участвовал в организаци и творчествѣ «народной воли». Номинальное равенство в этом участіи (достигаемое счетом голосов) является лишь одной из разновидностей демократическаго принципа, характеризующей демократію новаго времени, но никак не всѣ историческія формы ея.

Среди основоположных цѣнностей демократіи в наше время часто указывают на неотъемлемость личных прав и свобод. В порядкѣ цѣнностей свобода личности для христіанскаго политика стоит безспорно на первом мѣстѣ: она превышаетъ всѣхъ политическихъ формъ. Но сама она не является политической формой, тѣмъ менѣе связанной непременно с демократіей. В нашу эпоху демократія восприняла свободу личности в наслѣдіе от буржуазнаго либерализма, который совсѣмъ еще недавно противопоставлялъ себя демократіи (Токвиль). Но тема свободы — от государства — совершенно иная, чѣмъ тема власти — в государствѣ. Поэтому в дальнѣйшемъ мы совершенно отвлекаемся от момента свободы и говоримъ о демократіи лишь в смыслѣ самоуправляющагося народа, именемъ народа осуществляющаго государственную власть.

Современная демократія, дважды рожденная — пуританской революціей в Англии и якобинской во Франціи — несет в себѣ печать неизгладимой двойственности, — хочется сказать, двуличія. Первично-христіанское благородство ея глубоко искажено прививкой атеистическаго матеріализма XVIII вѣка. В этомъ отношеніи она вполне раздѣляетъ судьбу свободы. Свобода, рожденная подъ знакомъ христіанской свободы совѣсти, скрестилась с буржуазной свободой торговли (третья линия родословной ведетъ к феодальной свободѣ лица). Экономическая свобода, сдѣлавшаяся невозможной в наше время, психологически скомпрометировала и христіанскую свободу совѣсти. Нашъ долгъ — христіанскихъ свобододлюбцевъ — очистить нашу свободу отъ сомнительныхъ примѣсей, размежеваться с буржуазной свободой собственности. Но та же задача стоитъ передъ нами и в отношеніи демократіи. В предыдущемъ номерѣ «Новаго Града» мы пытались установить вѣчныя христіанскія основы демократіи: идею народа Божія, соборно ищущаго и осуществляющаго Его волю. Не останавливаясь сегодня на этомъ иде-

альномъ ликѣ демократіи, посмотримъ, в чемъ буржуазный рационализмъ искажилъ его и какъ должна его выпрямить чаемая нами новая демократія.

Эти искаженія, всѣ вытекающія изъ атомистическаго представления об обществѣ и изъ борьбы интересовъ какъ содержанія политики, могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ заблужденіямъ.

1. Участіе во власти есть право и интересъ каждой личности. Человѣческіе особи-индивидуумы, равные в своихъ правахъ и функціяхъ, строятъ государство путемъ борьбы и соглашеній, для защиты своихъ интересовъ. Политическій индивидуум-гражданинъ вырывается изъ всѣхъ органическихъ социальныхъ ячеекъ и группъ, в которыхъ протекаетъ его жизнь, и одиноко противопоставляетъ государству в выраженіи своей политической воли. Воля народа есть сумма или арифметическая функція всѣхъ частныхъ волей. Отсюда стремленіе современной демократіи къ скрупулезному выравниванію шансовъ (голосовъ) отдѣльныхъ волей — что, дѣйствительно, достигается всего совершеннѣе в системѣ всеобщаго, равнаго и прямого голосованія. Но такъ какъ очевидно, что всѣ выраженія личныхъ волей, по своей дробности и необозримому множеству, не могутъ быть сведены къ единству, то граждане объединяются в территориальные округа, не по общности мѣстныхъ интересовъ (средневѣсковый принципъ), а просто по смежности. Но и ограниченныя локально округа все же слишкомъ обширны, чтобы граждане сами могли договориться о кандидатахъ. Отсюда посредничество партій, которыя берутъ на себя выраженіе коллективныхъ волей. Безъ партій современная демократія существовать не можетъ, но партіи явно и жестоко искажаютъ выраженіе индивидуальныхъ волей. Дѣйствительно, за исключеніемъ немногочисленныхъ членовъ партійныхъ организацій, остальные граждане лишь в нѣкоторыхъ пунктахъ раздѣляютъ взгляды той партіи, за которую они голосуютъ. Большинство, быть можетъ, раскалывается почти равнымъ обращеніемъ къ конкурирующимъ программамъ и в концѣ концовъ голосуютъ не за свой политическій идеалъ, а за наименьшее зло. В результатѣ та парадоксальная ситуація, которую мы видимъ в наши дни. Парламентъ, вышедшій изъ всеобщаго голосованія, можетъ вовсе не пользоваться довѣріемъ страны — быть одинаково

противным большинству граждан, которые, обманутые посредничеством партій, не видят в нем собранія своих избранников. Попытки исправленія территориальной системы представительства введеніем пропорціональнаго принципа лишь закрѣпляют господство партійнаго режима.

2. Представительство народа, его законодательный корпус, должно быть возможно точным отраженіем интересов и настроеній в странѣ. Политическая карта парламента есть повтореніе, в уменьшенном масштабѣ, политической карты страны. Пропорціональная система является идеалом этого соответствія. Но из этого принципа прямо вытекает невозможность построения общей воли — воли народа. Партійное большинство, как мы знаем, есть явленіе рѣдкое, скорѣе исключеніе, чѣм правило, при развитой партійной дифференціаціи. Депутаты, связанные своей программой — часто императивным мандатом партіи, — не имѣют ни воли, ни даже права на соглашеніе, которое представляется измѣной партіи и избирателям. Так національное единство разбивается в куски в угоду борющимся за власть кланам, из которых ни одна не может обезпечить себѣ побѣды.

3. Власть, т.-е. исполнительная власть, есть приказчик народа. Она должна держаться в строгих рамках данных ей инструкцій. Организованное недоувѣріе к власти и самый придирчивый контроль ея считаются добродѣтелью демократіи. В нѣкоторых странах (французскаго типа) постоянная смѣна правительства является результатом этого контроля. В итогѣ у правительства нѣтъ ни времени, ни свободы дѣйствій ни для одной широкой и отвѣтственной реформы. Текуція дѣла и борьба за самосохраненіе исчерпывают энергію политиков, стоящих у власти, как борьба за власть — вождей оппозиціи. Оттого-то парламентскіе режимы оказываются неспособными ни к проведению социальной реформы, ни даже к самозащитѣ от революціи.

Всѣм этим демократическим ересям мы противопоставляем слѣдующія положенія, вытекающія из нашего пониманія органической демократіи.

1. Участіе во власти не есть право личности, а ея долг. Власть не пирог, который дѣлится между сотрапезниками, не акціонерная компанія для общей прибыли. Власть общее дѣ-

ло, требующее общих жертв. Власть народа строится, исходя из цѣлаго, а не из его частей. Народ осуществляет свою волю через посредство своих естественных или создаваемых им органов — групп, из которых слагается социальное тѣло. Через эти группы личности связаны с государством. Их прямое дѣйствіе (подобно плебисциту) является исключеніем. Косвенность выборов (выраженіе, имѣющее смысл лишь с индивидуалистической точки зрѣнія) есть иное выраженіе того же самаго факта, что группы, а не личности являются политическими органами государства. Равенство избирательных голосов не может быть учтено в органической системѣ и оно не является даже идеалом, ввиду неравенства сил для служенія общему дѣлу. Всеобщность голосованія остается постулатом социального воспитанія, как школа общей жертвенности, общей работы и общей отвѣтственности. Законные интересы личности обезпечиваются при этом ея правами, а не ея властью. Независимо от доли своего политическаго вліянія, она имѣет неприкосновенную для государства и общества сферу свободы, — свое святая святых, — у порога котораго, как в средневѣковом иммунитетѣ, останавливается всякій агент государства.

2. Представительство народа есть отбор лучших — мудрых и справедливых — для отысканія и творчества (а не выраженія) народной воли. Народная воля не дана непосредственно. В наличности имѣется лишь хаос противорѣчивых мнѣній и интересов. Построить политическій порядок из этого хаоса есть творческая задача, выходящая далеко за предѣлы компромисса. Всякая политическая проблема (дипломатическая, хозяйственная, административная) есть прежде всего проблема совершенно подобная научной, художественной или технической задачѣ. Никакой подсчет мнѣній или их балансированіе не приблизит нас к рѣшенію задачи, которая дается только творческим усилием. Момент соборованія, т.-е. сосредоточенія общих воль, направленных к единой цѣли, может быть могущественным фактором, и в нем сила и правда демократіи. Но для него должны быть даны непремѣнныя условія. Прежде всего, искомое рѣшеніе до самаго конца должно оставаться неизвѣстным. Ни граждане, посылающіе депутатов, ни депутаты,

собравшиеся вместе, еще не знают — не должны знать (могут лишь догадываться) об идеальном решении, которое они примут. Ибо это решение должно сложиться в итоге общей работы. Способность переубеждаться, готовность к отказу от всех своих привычных идей и предрасудков должна быть первой добродетелью народного избранника. Теперь он боится изменить партии и предаст народ. В органической демократии единственным, связывающим его мандатом, будет его совесть и его понимание общего блага. Легко видеть, что этому идеалу современный парламент удовлетворяет в меньшей степени, чем даже совет средневекового или абсолютного монарха — Боярская Дума древней Руси или Витанагемот англо-саксонских королей.

Из сказанного следует, что выборы должны быть построены не на оценке программ, а личных качеств кандидатов. Лишь общая направленность его идей может быть учтена при выборах. Но выборы на основе личной годности осуществимы лишь в узких группах, связанных общностью жизни и работы, т.-е. всего естественнее в группах профессиональных. Партии могут существовать как лиги для пропаганды известных идей. Во всяком случае избранный не может принадлежать ни к какой партии или обязан выйти из партии в момент избрания.

3. Власть есть водительство народа, а не служба приказчика, выполняющего хозяйские указания. Власть получает от народа лишь общие задания, лишь цели для политического действия. В отыскании нужных средств, зависящих от изменчивой политической обстановки, в энергии и тактике применения этих средств заключается политическое искусство властвования. Ибо власть есть искусство, и талантливый вождь подобен художнику. Всякое дело может быть испорчено неловким выбором средств. Безтактность вождей или стоящих за ними групп может вызвать, например, войну, которой не хотят ни они, ни народ. Раз выбранная из многих возможностей линия поведения должна проводиться последовательно, не считаясь с критикой, которая исходит из совершенно иных предпосылок и не обладает нужной компетентностью. Это значит, что власть должна быть сильной, независимой от Совета законодателей и отдавать отчет в своих действиях лишь по истечении достаточ-

ного срока своих полномочий. Создается ли она избранием законодателей или плебисцитом всего народа, это вопрос второстепенный, хотя, при исключении партий из избирательной борьбы, плебисцит возможен лишь при высокой политической сознательности масс. Современный американский президент или римский консул всего больше удовлетворяют идеалу сильной демократической власти. Впрочем и политическое развитие Англии движется в том же направлении.

Таковы общие принципы, которые ложатся в основу «нео-демократии». От них до конкретного проекта государства дистанция огромного размера. Она может быть заполнена не теоретическим прожектерством, а политическим опытом. Но этот опыт в самых разнообразных (в том числе и демократических) режимах согласно указывает на то, что формой новой демократии призвана стать демократия корпоративная или синдикальная. Сама по себе база органической демократии может быть различна: родовая, семейно-племенная на заре истории, цеховая в Средние века, территориально-областная в эпоху, когда квартал, деревня, город, область были живыми коллективами. Современный человек из всех социальных связей сохранил и развивает преимущественно связи профессионально-корпоративные. Профессиональная структура является единственным наследником, которому умирающая партийная демократия может передать свое наследство.

Корпоративная демократия еще не родилась, но уже подвергается острой критике. Указывают, что представительство профессий узаконяет борьбу интересов и разлагает государственное единство. В идею, корпорация является представительством не интересов, но призваний, различных форм социального служения. Однако было бы фантастическим идеализмом закрывать глаза на возможность между-профессиональной борьбы. В известных границах социальная борьба несет в себе условия движения, прогресса. Гармоническое общество невозможно: да оно являло бы картину застоя. Необходимо лишь, чтобы идея цела господствовала над всеми частными идеями. В государстве корпораций идея цела представлена центральной властью, и сильная, независимая власть, особенно в первый период нового режима, является необходимостью.

Известный противник опасностям корпоративного строя может быть найден в дуализм представительства. Вторая палата может быть построена на территориальном началѣ. Территории не до конца утратили свой органический смысл, и их представительство, как органов народного самоуправления, избранных на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, может дополнить представительство профессій. Если демократическим странам суждено избѣжать фашистской революціи, то их социальная перестройка естественно должна начаться с присоединенія к парламенту новой «экономической», корпоративной палаты. Совмѣстное их существованіе, с неизбѣжным расширеніем функций младшей сестры, на опытѣ покажет силу и слабость новой системы. В Советской Россіи исходным моментом для развитія новой демократіи является советскій строй, который представляет сочетаніе профессиональнаго и территориальнаго представительств. В этой области все принадлежит эксперименту. Доктринерство корпоративизма может быть так же опасно, как доктринерство парламентаризма.

При этом никак нельзя забывать, что весь смысл корпоративнаго государства — в осуществленіи трудового социальнаго строя. Повторяем сказанное выше: в наше время политика есть функция экономики. Самое остроумное рѣшеніе политической проблемы бесполезно, если оно не приведет к радикальному пересозданію общественной, прежде всего экономической, жизни. Сила и значеніе корпораций в политикѣ всецѣло зависят от той роли, которую онѣ будут играть в хозяйственной жизни народа.

И, наконец, послѣднее — и самое важное замѣчаніе. Не достаточно и социальной революціи, чтобы созданный ею социально-политическій строй явился органическим в большей мѣрѣ, чѣм строй буржуазный. Органичность не прокламируется декретами, не создается революціями. Напротив, революціи по существу своему враждебны органикѣ и скорѣе разрушаютъ всѣ остатки органическаго быта. Явный порок коммуно-фашизма — в том, что он подмѣняет внутреннюю органичность новымъ механизмом, замѣняя страшнымъ механическимъ цавленіемъ государства отсутствіе внутреннихъ скрѣп. Нельзя на-

дѣяться, что под длительнымъ дѣйствіемъ пресса атомы личностей образуютъ новыя органическія ткани. Скорѣе всего, они засохнут и умрут, ставши элементами новаго робота — государства, — если новая духовная революція не остановит и не повернетъ назадъ этотъ механизмирующаго потока. Дух долженъ проснуться в человѣкѣ. Из единаго духовнаго центра должна строиться вся его жизнь. Всѣ социальныя отношенія должны вновь сдѣлаться, какъ нѣкогда, органами религіознаго всеединства, чтобы правда об органическомъ обществѣ не превратилась в новую ложь. Фашизмъ смутно предчувствуетъ эту правду, но — самъ послѣднее порожденіе механическаго вѣка — несетъ в себѣ новыя опасности духу, еще не до конца задохнувшемуся в буржуазномъ тлѣніи. Только христіанство можетъ дать крылья рождающейся социальной демократіи и спасти ее, а вмѣстѣ с нею — всю культуру старей Европы от титаническаго шпенглеріанскаго заката.

Г. Федотов.

Покоя не будет

В № 5 «Новаго Града» была напечатана моя статья «Хозяйственный строй будущей Россіи». Содержаніе ея слѣдующее. В Россіи происходит громадный хозяйственный переворот. Старое капиталистическое хозяйство снесено начисто. Носители его уничтожены. Все хозяйство страны коллективизировано и этатизировано, как во времена фараонов. Все оно ведется по плану и из одного центра — свободной хозяйственной стихіи не оставлено и малаго уголка. И, вмѣстѣ с тѣм, — цѣною немовѣрных страданій народа, на крови и костях русских людей — произведен громадный техническій переворот. В земледѣліи уничтожены миллионы межей и земля сбита в хозяйственные блоки, с новыми сѣвооборотами, с парками с.-х. орудій и тракторов. В промышленности созданы новыя отрасли производства, открыты новыя залежи, выстроены «Днѣпрострои» и гигантскіе заводы. Городское населеніе охватило почти треть жителей страны, и миллионы крестьян превратились в городских рабочих. Россія становится индустриальным государством и быстро приближается к тому хозяйственному типу, который представляют собой С.Ш. Сѣверной Америки. Таково хозяйственное наслѣдство, которое получит будущая Россія на другой день послѣ паденія большевицкой власти. Как этим наслѣдством она должна распорядиться? Если бы совѣтское хозяйство было только продуктом большого творчества отвлеченных фанатиков, если бы остальной мір продолжал хозяйствовать в старых формах капиталистическаго строя, если бы хозяйственная свобода по-прежнему вдохновляла людей на строительство, самое простое и разумное для Россіи было бы вернуться на старые пути: денационализировать землю и промышленныя предприятия, передать хозяйство в частныя руки, дать простор игрѣ хозяйственных сил. Стихія хозяйственной свободы скорѣе всего другого залѣчила бы раны, нанесенныя Россіи большевицким безуміем. Но, в дѣйствительности, дѣло обстоит не так.

Совѣтское хозяйство не просто плод большого творчества фанатиков — несмотря на свою дикость и крайности, оно строится на путях, по которым движется хозяйство всего міра. Все мировое хозяйство переживает громадный переворот. Капиталистическая система хозяйствованія выродилась и разложилась. Стихія хозяйственной свободы больше не «несет». Капиталистическій строй — предмет ненависти всего молодого поколѣнія. Мировое хозяйство перестраивается на новых основах — плана и управленія; коллективныя и государственныя формы хозяйствованія занимают свое мѣсто наряду с индивидуальными. Мір переживает грандіозную хозяйственную революцію — стоит на порогѣ новой хозяйственной эры. При этих условіях предполагать возможность возвращенія Россіи на старые хозяйственные пути — нелѣпность. Капиталистическая реставрація Россіи не дана — для этого она не найдет ни капиталов, ни кадров. Попытка такой реставраціи грозит новой хозяйственной катастрофой. Капитализм в одной странѣ так же невозможен, как и социализм. Отсюда хозяйственная программа будущей Россіи — «50-лѣтка» Новаго Града. Послѣбольшевицкое государство раскрѣпостит русское народное хозяйство и труд — возстановит рынок и собственность, даст свободу торговли, ремесла и промышленнаго предпринимательства. Но все это в рамках охватывающаго народное хозяйство плана и под твердым своим руководством. И оно сохранит за собой основныя отрасли крупной промышленности, оптовую торговлю и верховное право на землю. Словом, послѣбольшевицкое хозяйство не будет совѣтски-крѣпостным, но и не станет свободно-капиталистическим. Это будет плановое хозяйство с преобладающим государственным и общественным сектором. В какой-то исторической перспективѣ оно сойдется с мировым хозяйством на путях хозяйственной демократіи. — Таковы основныя положенія моей статьи.

На эти положенія представил свои возраженія П. Михайлов в статьѣ «Размышленія у врат Новаго Града», напечатанной в № 6 нашего журнала. Возраженія его сводятся к слѣдующему. Мое предвидѣніе хозяйственнаго строя будущей Россіи было бы правильным при одном условіи: если бы, послѣ паденія большевицкой власти, сразу же наступило полное от-

резвление народа, готовность его приступить к восстановлению государства по самому рациональному плану. Но этого не дано. Я не предвидѣл психическаго явления, которое можно возвести на степень историческаго закона. У общества нѣтъ собственной ритмики развитія. Но общество состоит из людей. Человѣческая же природа неизмѣнна. Жизнь людей подчинена своей особой ритмикѣ — ритмикѣ «подъемов» и «депрессій». Революція и есть такой психическій «подъем» масс. И русская революція в значительной степени была обусловлена накопившимся в военное время нервным подъемом народа. Но никакой подъем не может длиться бесконечно. В какой-то момент подъем смѣняется «депрессіей». Депрессія выражается: в усталости от революціоннаго «строительства», в нежеланіи чего-то добиваться, куда-то и к чему-то стремиться, за что бы то ни было бороться. Період депрессіи и есть період послѣреволюціонной реакціи. Послѣреволюціонный режим — режим передышки, санаторнаго лѣченія, побѣды «обывательщины» над гражданственностью и государственностью, торжества индивидуальнаго начала над началом коллективности. Еверуган хочет, чтобы его оставили в покоѣ, никуда не звали, не тащили, и никакой новой общественной нагрузки на него не наваливали. Такой же будет послѣреволюціонная реакція и в Россіи. Это будет эпоха усталости и жажды покоя. Ни о каком строительствѣ Новаго Града русскій народ не захочет и думать. Русская революція была коллективистична и строила жизнь по «плану». Реакція выразится в недовѣрїи ко всяким «планам», к коллективным отношеніям, к всему, что предполагает подчиненіе общественному руководителству. Обывательскій либерализм и индивидуализм будут торжествовать по всей линіи. В силу психических законов, управляющих душевной жизнью людей, русское восстановление будет происходить анархично, вразброд, ощупью, образуя то, что зовется «періодами первоначальнаго накопленія». Ибо для русских людей, переживших большевицкую тиранию, минимальная гарантія личной неприкосновенности и свободы личной инициативы в хозяйствованіи будет единственно желанным и жизненно-необходимым. Адам Смит и Иеремія Бентам, отжившіе на Западѣ, как раз придутся по вкусу пореволюціоннаго русскаго «новаго человѣка» и будут его идеологами.

— Что же будет с эмигрантскими пореволюціонными теченіями и идеологами «Новаго Града»? То же, что стало с пореволюціонными идеологами Франціи (Сен-Симон, Фурье, О. Конт): они составили не «Орден», а небольшую и по началу весьма мало вліятельную секту, оплодотворившую в послѣдствіи французскую политическую мысль XIX вѣка. Так же будет и с русскими пореволюціонными теченіями: они планируют Новый Град, рисуящийся им чѣм-то вродѣ Чикаго или Нью-Йорка, — и скажут спасибо, если им будет позволено спастись в захолустном скиту. На худой конец — и это ничего. Рано или поздно жизнь продолжит к скиту тропинку. — Таковы основныя возраженія П. Михайлова.

Кто из нас прав? — Этот вопрос не заслуживал бы обсуждения, если бы дѣло шло о научном историческом анализѣ: историческое предвидѣніе наиболѣе спорная дисциплина в наукѣ. Но дѣло идет не о теоретическом анализѣ. И «Новый Град» — не научный журнал. «Новый Град» — лабораторія общественнаго творчества, чертежная архитектора, в которой вырабатываются планы и проекты новаго общественнаго строя. Работа в этих условіях, без интуиціи эпохи, без прозрѣнія будущаго, так же бесплодна, как чертеж зданія, без указанія, гдѣ оно будет строиться и из каких матеріалов. Нелѣпо чертить план величественнаго «Града» для людей, требующих покоя и санаторнаго лѣченія. Но так же нелѣпо укрываться в захолустном скиту перед поколѣніем, полным энергіи, вѣры в свои творческія силы и жаждущим «передѣлать мір».

Почему П. Михайлов думает, что в человѣческой исторіи эпохи подъема смѣняются эпохами депрессіи, революціи — реакціями? Вѣдь, он знает, что никаких «исторических законов» не существует, что у общества нѣтъ собственной ритмики разных людей, из которых и слагается общество? Но, если она существует, она дѣйствует в предѣлах одного и того же поколѣнія и не распространяется на другія. Россійскую революцію сдѣлали люди, родившіеся в послѣднія десятилѣтія XIX вѣка. Многие указывают, что они устали и хотят покоя. Потому в их средѣ так и развиты «реакціонныя» настроенія. Но в настоящее время в Россіи живут 100 миллионъ людей, родившихся

послѣ 1905 года. Они революціи не дѣлали и даже не пережили ее сознательно. Можно быть какого угодно мнѣнія о современной русской молодежи, но одно несомнѣнно: она крѣпка и упорна — полна энергии и бодрости. И, однако, именно она опредѣляет жизнь современной Россіи. И тоже можно сказать о молодежи других стран — Германіи, Италіи, а в послѣднее время, пожалуй, и всей Европы. Поколѣніе, пережившее «подъем» Великой войны, устало и сходит со сцены. Историческую авансцену занимает новое поколѣніе не участвовавшее в войнѣ и снова рвущееся к подвигу и дракѣ. Ясно, что ритмика жизни отдѣльных людей далеко не опредѣляет ритмики развитія всего общества. Да и существует ли она вообще? Развѣ мы не знаем эпох, когда цѣлыя поколѣнія жили в «подъемѣ» — эпох великих переселеній, арабских завоеваній, Ренессанса? И, с другой стороны, развѣ мы не знаем народов, которые вѣками жили в «депрессіи»? Не является ли вся эта ритмика подъемов и упадков, революцій и реакцій простым описаніем однократнаго историческаго событія, опредѣлившаго и подавившаго наше современное историческое сознание: «подъема» Великой Французской Революціи и наступившей за ним «депрессіи» эпохи реакціи?

Но допустим, что П. Михайлов прав, что в человѣческой исторіи эпохи подъема смѣняются эпохами депрессіи, революціи — реакціями. Каков темп этой исторической ритмики? Какова длина «кривой», описывающей историческій цикл подъема и упадка? Попробуем опредѣлить их на примѣрѣ вышеуказаннаго цикла — Великой Французской Революціи и смѣнившей его реакціи. Что такое «Великая» Французская Революція, в свѣтѣ современных событій? — Вулканическій взрыв мѣстнаго характера — небольшой глубины и ничтожнаго района дѣйствія. Он смѣнил одну правящую верхушку другой, не нарушив пирамидальнаго строенія общества и почти не затронув имущественных отношеній между классами: перемѣщеніе земельной собственности из рук в руки было незначительно по размѣрам и коснулось только нѣскольких сот тысяч владѣльцев. И еще болѣе ничтожен был район дѣйствія этого взрыва. Он захватил только одну «часть» земнаго шара — географически, маленькій западный полуостров великаго Сѣвернаго ма-

терика — и в этой части одну европейскую провинцію — Францію с ее окраинами. Остальныя провинціи, если и реагировали на революціонный взрыв, то обратным дѣйствіем — «реакціонно». По существу, историческій «цикл» Французской Революціи и наступившей за ней реакціи надо разсматривать не как смѣну одной эпохи «подъема» другой — «упадка», а как борьбу революціонной Франціи с остальной реакціонной Европой. Реакціонная Европа побѣдила. Французская революція была удушена. Не будь это так, ритмика развитія французской націи в эту эпоху могла быть иной: революціонный хаос смѣнился бы революціонной диктатурой, революціонная диктатура — буржуазной республикой, т.-е. тѣм строем, к которому революція и шла. Ни «депрессіи», ни «реакціи» могло и не быть. И, тѣм не менѣе, несмотря на далеко не имманентную ритмику развитія революціонных событій Франціи, кривая подъема Великой революціи охватила цѣлую четверть вѣка — от 1789 г. до 1814 г. Реакція эпохи Директоріи была поверхностна и не коснулась народных масс. «Удовлетворенные» хотѣли порядка и закрѣпленія «завоеваній», но не допускали и мысли о возвращеніи назад. Побѣдные марши Наполеона еще питались революціонным пафосом «сынов отечества». И только сверженіе Наполеона Европой положило конец національному возбужденію Франціи. — Такова длина «кривой» подъема малой французской революціи.

Что такое Великая Россійская Революція 17-го года? — Вулканическій взрыв грандіозной силы и міроваго района дѣйствія. Он снес всѣ правящіе слои націи, разрушил до основанія пирамидальное строеніе русскаго общества и перемѣстил имущественныя отношенія десятков милліонов людей. Человѣческая исторія, на всем своем протяженіи, не знала переворота такой глубины и размаха. И еще грандіознѣе район его дѣйствія. Он захватил шестую часть земнаго шара и быстро распространяется на весь мір. Россійская революція — начало міровой. Не видѣть этого значит не видѣть опредѣляющаго явленія современности. Случилось это так.

Европейская цивилизація до эпохи Возрожденія — цивилизація «материковая». Она замкнута в рамки западно-европейскаго полуострова и за его предѣлы не выходит. С эпохой «Ве-

ликих открытій» она разливается по всему міру. Но первые три вѣка ея распространіе «точечное». «Точки» западной культуры — поселенческія колоніи, торговыя факторіи, военныя укрѣпленія — рассыпались по всѣм частям свѣта, лишь медленно и постепенно расплываясь по вновь открытым материкам и почти не оказывая вліянія на туземные народы. И только в XIX вѣкѣ европейская цивилизація покрывает весь земной шар. Какія идеи несет она с собою в мір? Тѣ же, которыя господствовали и в Европѣ XIX вѣка — идеи Французской революціи. Французская революція, по глубинѣ соціального взрыва и по району дѣйствія, — революція малая и мѣстная. Но, по глубинѣ идейнаго переворота, произведеннаго ею в сознаниі Человѣчества, во-истину, Великая и міровая. В сознаниі европейских людей дореволюціонной эпохи, мір устойчив и недвижим. В нем ничего не происходит и не мѣняется. Много вѣков назад, когда исполнились сроки, на землю пришел Спаситель. С тѣх пор исторія завершена. Теперь мір ждет своего конца и послѣдняго Суда. Это средневѣковое европейское міросозерцаніе было поколеблено вѣками Ренессанса и Просвѣщенія. В эту эпоху земля ожила. Про вѣк Возрожденія Гуттен писал: «Души пробуждаются — хочется жить». Но, земной мір не неподвижен. Он движется неустанно и все в одном направленіи — вперед. Человѣческій разум покоряет природу и преобразует общественную жизнь людей на новых началах — свободы и справедливости. Цѣль движенія вперед — Человѣческое счастье на землѣ. Таково новое европейское міросозерцаніе. Но в теченіе долгаго времени это было идейное міросозерцаніе элиты. И лишь Французская революція сгустила его в религиозную вѣру, и сдѣлала достояніем масс. Впечатлѣніе, произведенное Французской революціей на современников и на европейцев XIX вѣка было громадно. Впервые в міровой исторіи великій народ взял на себя отвѣтственность за свою судьбу и стал перестраивать свою жизнь заново и на чисто разумных основаніях. Пусть эта перестройка непосредственно окончилась неудачей. В сознаниі европейских людей родилась новая вѣра — вѣра в прогресс, в Человѣческое счастье на землѣ, в возможность устроения жизни народов по разумному плану. В началѣ XIX вѣка русская крѣпостная кре-

стьянка сказала про своих господ, воспитанных по европейски: «Да они не нашей, они Вольтеровой вѣры». И, дѣйствительно, это была подлинно религиозная вѣра, со своей мистикой и аскетикой, со своими мучениками и пророками. Эта «Вольтерова вѣра» — вѣра Французской революціи — в нѣсколько десятилѣтій захватила всю Европу и перестроила ее заново: освободила націю, передала власть из рук царей в руки народов и создала грандіозный расцвѣтъ матеріальной культуры. Перекинувшись в Россію, она зажгла революціонным пламенем орден русской интеллигенціи и разрушила величайшую Имперію міра. Теперь, обойдя весь круг земель, она бушует на Востокѣ. Так европейская цивилизація, покорив мір, передала ему свое послѣднее вѣроученіе. «Вольтерова» вѣра стала міровой. Правда, за полтора вѣка странствованій, она пережила реформацію и густо окрасилась в красные — соціальные цвѣта. Но, по существу своему, это все та же вѣра Французской революціи — вѣра в прогресс и Человѣческое счастье на землѣ.

Какое дѣйствіе произвел взрыв Россійской революціи в этом насыщенном Вольтеровой вѣрой мірѣ? Дѣйствіе грандіознаго разряда. Россійская революція не создала новых идей: ея идеи — идеи Европы XIX вѣка, доведенныя до крайности и потому искаженныя. Но она сдѣлала большее, — во всяком случаѣ, то, что больше поражает воображеніе людей: она претворила идеи в жизнь. Пусть это претвореніе кончается неудачей, пусть оно стоит миллионов жертв. Человѣчество этого не замѣчает. Оно видит в Россійской революціи то, к чему неудержимо влекла его его собственная вѣра: героическую попытку построения новой жизни, грандіозный опыт осуществленія счастья на землѣ. Вот почему мір находится в таком волненіи. Вот почему революціонная Россія стала центром мірового революціоннаго землетрясенія.

Особенное впечатлѣніе произвела Россійская революція на Востокѣ, гдѣ живет большая половина Человѣчества. Вольтерова вѣра проникла в сознаніе восточных людей не так глубоко, как в сознаніе европейцев. Но зато проникнув, произвела в нем дѣйствіе духовнаго динамита. В дореволюціонном сознаниі Востока мір не только устойчив и неподвижен, как в средневѣковом сознаниі Запада, — он и не цѣнен сам по себѣ и не

заслуживает подлинно-духовного внимания людей. Европейская цивилизация, даже средневековая, обращена к постороннему, временному, земному. Свою энергию она направляет на формирование «явлений». Европейцы — по выражению Кайзерлинга — «Божьи руки»: соучаствуют в творении мира Богом. Восток обращен к потустороннему «сущему», вѣчному — к «явлениям» он глубоко равнодушен. Отсюда пассивность восточных людей в жизни и их небрежение земными дѣлами. Вольтерова вѣра произвела в этом традиционном сознании Востока глубокую перемѣну. Мир не только ожил и задвигался — он стал цѣнным для людей, если не сам по себѣ, то как путь и орудіе достижения цѣнностей вѣчных. Характерен в этом отношении величайший вождь современной Азии — Ганди. Ганди не порвал с традиционным восточным мирозерцанием. Он мистик и аскет, его цѣль — Истина и личное спасение в ней. Но путь к этой вѣчной цѣли — политическая борьба за освобождение Индии. «Чтобы увидѣть в лицо... Истину, — пишет он в своей автобиографіи, — надо умѣть любить самую малую сотворенную вещь, как самого себя. Человѣкъ, который хочет достигнуть такого состоянія, не может держаться внѣ жизни. Вот почему моя преданность Истинѣ привела меня к политикѣ... Тѣ, кто утверждают, что религія и политика не имѣют ничего общаго, не понимают смысла религіи». И еще в письмѣ от 1924 года: «Я только смиренный искатель Истины, нетерпѣливо стремящийся к духовному освобожденію еще в этой жизни. Мое національное дѣло — только часть того опыта, который я предпринял, чтобы освободить мою душу от рабства плоти. У меня нѣтъ никакого влечения к преходящему земному царству. Я борюсь за царство небесное... Потому патриотизм для меня только этап в моем путешествіи к вѣчной землѣ свободы и мира». Так, на путях к Небу, борется Ганди за освобождение своей родины. Satyāgraha и Ahimsā (не насилие) — не только орудія политической борьбы, они и орудія личного спасения. Отсюда громадная сила революціоннаго дѣйствія Ганди. Отсюда неизмѣримость его влияния на народные массы Востока. Рычагом вѣчности он переворачивает земныя глыбы.

В этом перевороченном Востокѣ, впечатлѣніе, произведенное Россійской революціей, было громадно. Ленин был перво-

классным революціонным стратегом. Он понял, что пробужденная европейской революціонной вѣрой Азия — болѣе подходящее поле для взрыва, чѣм пережившая сто лѣтъ революцій Европа. Идя к революціи міровой, он начал ее с Востока. «Повернемся к Азии, — писал он, — мы возьмем Запад через Восток». И, дѣйствительно, эта революціонная стратегія дала блестящіе результаты: вся Азия в огнѣ. Противники совѣтской власти с удивленіем говорят об «судачливости» ея міровой политики. «Мир глуп — большевикам везет». Но это не так. Трудно представить себѣ большее количество ошибок и преступлений, чѣм то, которое совершили большики в сношеніи с окружающим миром. Но они идут в линіи міровой исторіи. Отсюда их «удачи». — Три идеи Россійской революціи больше всего поражают воображеніе восточных народов: освобождение угнетенных націй Азии от господства Европы; освобождение бѣдных от власти богатых; покорение природы техникой, от чего жизнь трудящихся станет болѣе легкой и счастливой. В особенности, велико влияние первой идеи. По существу своему, азиатскія революціи — національныя. Один из Трех Принципов Народа («Сань-мин») китайской революціи — принцип націи («минцзю»). Послѣднія слова умирающаго Сун-Ят-Сена были: «Любите родину», «Работайте на ея спасение». ¹⁾ На допросах индо-китайских революціонеров европейскими властями, они отвѣчают с фанатической вѣрой: «Я хочу спасти мою страну», «Я хочу пролить свою кровь за мою родину». И так же далеки от большевизма двѣ другія идеи, поразившія Восток — социальной справедливости и покорения природы техникой. Всѣ онѣ рождены Европой. Но на Восток онѣ идут из Россіи. Центр революціонной Азии — Москва. — Но не только идеи Россійской революціи, но и люди привлекают сердца восточных народов. Помимо культа ея вождей, самый тип восточнаго революціонера взят из Россіи. Европейских наблюдателей поражает сходство — даже внѣшнее — азиатских революціонеров с русскими. И это неудивительно. Громадное большинство восточных революціонеров интеллигенты — учащаяся молодежь. Г миндан, управляющій революціонным Ки-

¹⁾ Л. В. Ариольдов. Китай, как он есть. Шанхай, 1933.

таем, — «Орден китайской интеллигенции». Многие из этих интеллигентов побывали в России и прошли ее революционные школы. Все исторические типы, даже революционеров, строящих новую жизнь, создаются по каким-нибудь старым, уже готовым образцам. Восточные революционеры берут свои образцы там, где светит «солнце мировой революции». Так орден русской интеллигенции, одержав победу над великой Империей, через своих «блудных сынов» распространяет свое влияние на весь азиатский материк.

Еще удивительное влияние, которое оказала Российская революция на Европу. Всего два десятилетия назад, Западная Европа казалась спокойной и в устойчивом равновесии. Вольтерова вѣра, распространившаяся к этому времени на весь мир, еще продолжала завоевывать нетронутые низы европейского общества. Но на верхах ее обаяние падало. Ничто не предвещало перемен и революционных бурь. Даже крайние партии откладывали социальный переворот на дальние сроки. Теперь вся Европа, так же как Азия, — в огне. И даже старую, утомленную Францию бьет революционная лихорадка. Почему? Мировая война, несомненно, нанесла удар душевному спокойствию европейцев. Порядок, допустивший такую бойню, перестал внушать доверие. Еще больше поколебал доверие мировой хозяйственный кризис. Тысячелетия человечество жило с сознанием, что оно несет на себя Божие проклятие: в пот лица своего должно оно есть хлеб свой. Потому так покорно несло оно и свою судьбу. Недостатки общественного строя могли увеличивать тяжесть жизни, но не они были ее причиной. Мировой кризис принес с собою благую вѣсть: Божье проклятие с человечества снято. Человечество не должно в пот лица своего есть хлеб свой — хлеба столько, что его жгут, топят и не знают, что с ним делать. Отчего же тяжесть жизни не исчезла, а стала еще непереносимее? Народному доверию к европейскому строю мировой кризис нанес смертельный удар. Все это так. И тем не менее ни война, ни кризис европейской революционной бури объяснить не могут. Общественный строй Европы так крепок и добротен, что еще долгие годы мог бы существовать и при поколебленном доверии ее народов. Нельзя объяснить европейскую революционную бурю и рождением новой вѣры. Два

идеи захватили современное сознание европейцев: идея организованного хозяйства, где каждый будет иметь труд и пропитание; и идея сильной власти, которая будет руководить этим хозяйством и сохранять порядок в обществе. Однако, обе эти идеи сами по себе революционного возбуждения вызвать не могут. Другие идеи — расы, нации, государства — явно случайны и преходящи. Не там, где нет революции идей, там не может быть и внутреннего революционного взрыва. Причины европейской революционной бури надо искать в ином. 150 лет Европа жила Вольтеровой вѣрой — в прогресс, движение вперед, неустанное обновление жизни. Все, что ново — хорошо; что старо плохо. Все, что движется, имеет право на опытное поле; все, что стоит на месте, должно уйти. Пока остальной мир был недвижим, Европа ограничивалась местными революциями и неустанным реформированием жизни — за сто лет она переменяла в своем быту столько, сколько раньше не меняла в тысячелетия. Но вот раздался взрыв Российской революции. Ему откликнулась Азия. Громадное волнение охватило мир. Волны психической энергии расходятся так же незаметно, как волны энергии физической. Зато они поражают еще с большей силой и неотвратимостью. Наклоненная вперед Европа была увлечена мировым вихрем с необычайной быстротой и легкостью. Не недостатки прошлого и не идеалы будущего увлекли ее. Ее увлекли сила вихря и отсутствие сопротивляемости.

Чего хочет современная Европа? Революция — разрушения старого, построения нового. Новый строй, новый порядок, новое «третье» царство — в этом ее пафос. В чем будет это новое, она еще хорошо не знает. Муссолини поднял фашистское движение, произвел революционный переворот, захватил власть и потом стал думать, что строить. Да это Европу и мало волнует. Важно другое: действие, движение, энергия, энтузиазм, вѣра. Современная Европа в руках своей молодежи, переживающей громадное напряжение и героический подъем. В одних странах она уже у власти, в других идет к ней неотвратимыми шагами. И замечательно: революционный вихрь захватил не только крайние левые партии: коммунистов, социалистов, радикалов. С еще большей силой увлек он течения «правых»: фашистов, национал-социалистов, неомонархистов. Слепы те,

кто думают, что это течения «реакционные». Разумеется, это «обратное действие» на действие коммунизма. Но что они ставят в вину коммунизму? Отнюдь не его революционность. Революция для них так же свята, как и для коммунистов. «Во имя Бога и Италии, клянусь... служить всеми моими силами и, если это надо, моей кровью, делу Фашистской Революции» — пишут на своем знамени юные фашисты. Коммунистам ставится в вину другое: они делают революцию не так, как надо. Революция должна быть не интернационалистической, а национальной, не атеистической, а «христианской», не коллективистической, а корпоративной — вот в чем вина коммунизма. И так же мало «реакционны» характерны для этих течений — как и для современных левых — черты угашения личности и свободы. Конечно, в этом угашении есть «реакция» против вырождавшегося индивидуализма XIX века и против безплодности «буржуазной свободы». Но многое в этом явлении объясняется иным: психологией похода, гражданской войны, пафосом строительства, участия в «общем деле». В одном из правительственных учреждений новой Германии висит надпись: «Не приходят с личными делами туда, где строится новое государство». Идеолог ее молодежи (Велл) пишет: «Там, где говорит История, личность должна молчать». Гораздо характернее для этих течений, так же, как для всей современной молодежи, другое: новое ощущение мира. Мир стал пластичен и податлив. Его можно мять, как глину. И лепить из него, по заданию, новый образ. Если можно повернуть течение Гольфстрема и перелить Средиземное море в Сахару, почему нельзя влить в новые формы и все человечество?

Таково влияние Российской революции на Восток и на Запад, и на весь мир. Российская революция вызвала мировую. Можно не соглашаться с таким пониманием современных событий. Можно давать другое объяснение. Что не Российская революция — причина мировой. Что весь мир был готов к революционному взрыву. Что «старый порядок» отжил свой век и должен был уйти. Что Российская революция — только первый удар начинавшегося мирового землетрясения. Возможно и такое объяснение. Но, во всяком случае, бесспорно одно: Российская революция — начало мировой. Или еще точнее: то, что сейчас проис-

ходит, и есть мировая революция. Если мы ощущаем лишь отдельные ее удары, то это только потому, что наши восприятия — и даже воображение! — очень ограничены. Мы не слышим мирового гула и с трудом вмещаем в наше сознание мировое целое. Но в смысле происходящего сомневаться нельзя. — Мировая революция — что вполне вероятно — не всюду будет протекать одинаково. В одних странах она будет сопровождаться потоками крови, как в России и Китае. В других будет происходить с жестокостью, но культурно полированной, как в Германии и Италии. Будут даже страны, где она, может быть, совершится совсем мирно, как в Соединенных Штатах Америки и Индии. Так же вероятно, что не всюду будут одинаковы и ее последствия. Что в одних странах старый строй будет снесен до основания; что в других новое общественное здание будет возводиться на старом фундаменте. И еще больше вероятно, что это новое здание будет в разных странах не одного стиля, хотя одной и той же «эпохи». Но, во всяком случае, одно несомненно: несмотря на свое многообразие, по существу своему, революционный процесс повсюду будет обозначать одно и то же — громадный подъем народной энергии и переворот в строении общества невиданной в человеческой истории глубины и силы. — Спрашивается, сколько времени будет длиться это мировое землетрясение? Как велика длина «кривой» подъема мировой революции? Если малая Французская революция, ограниченная одной провинцией Европы, продолжалась четверть века, сколько будет продолжаться революция Российская, распространившаяся на весь мир? Не будем себя обманывать: это процесс вековой. Во всяком случае, на наш — XX — век его хватит. Возможно, что Россия, первая начавшая революцию, первая ее и кончит. Возможно, что, в силу исторической «ритмики» или в силу исторической «случайности», за революцией в России последует «реакция». Но это будет нескоро — через много десятилетий. Наша эпоха — революционная. Россия не может выйти одна из «полюсов» мировой революционной энергии. Российскую революцию будет вести современная советская власть. Или эта власть будет сметена новой «национальной революцией». Но и в том и в другом случае Россия еще долгие годы будет находиться на линии подъема и

народнаго напряженія. Хотим мы этого или не хотим, но для нашего поколѣнія отдыха не дано. Покоя не будет.

Отсюда отвѣтъ — поневолѣ краткій — на вопрос, рвѣдѣляющій нас с П. Михайловым: о хозяйственном строѣ будущей Россіи. Будет ли хозяйственный строй послѣбольшевнической Россіи походить на «пятидесятилѣтку» Новаго Града, которую проектирую я, или на форму «первоначальнаго накопленія», которую предвидит П. Михайлов? Почему П. Михайлов думает, что хозяйственное возрожденіе послѣбольшевнической Россіи будет проходить «анархично, вразброд, ошущью», что в хозяйственной жизни, по всей линіи, будут торжествовать «индивидуализм и либерализм», что идеологами пореволюціоннаго русскаго «новаго человѣка» будут Адам Смит и Іеремія Бентам? Потому, что в Россіи послѣ революціи наступит «реакція» и потому что так было в эпоху «реставраціи» в Западной Европѣ? Допустим, что П. Михайлов прав — что в Россіи реакція будет. Но вот что при этом надо принять во вниманіе: в эпоху «реставраціи» в Западной Европѣ «реакція» совсѣм не распространилась на хозяйственную жизнь — в хозяйственной жизни не было ни «депрессіи», ни возвращенія назад на пройденныя ступени. Наоборот, эпоха реставраціи — эпоха «промышленной революціи» Франціи. Именно в эту эпоху промышленный переворот, начавшійся в Англии нѣсколько раньше, распространился на Францію и вызвал в ней эру хозяйственнаго расцвѣта. Характерно, что идеолог «пореволюціонных теченій» Франціи Сен-Симон был в то же время и идеологом «индустриализма». Его лозунг: «все через промышленность, все для нея». Из его школы вышли Фердинанд Лесепс, братья Перер и другіе выдающіеся промышленные дѣльцы и предприниматели. И это исторически понятно. Французская революція разбудила народную энергію и сняла препятствія с пути хозяйственнаго развитія. В період гражданских бурь и наполеоновских войн, эта энергія уходила в политическую борьбу и походы. Когда реставрація установила «порядок», народная энергія направилась в область, оставшуюся для нея открытой и, по существу, наиболѣе ей свойственную — хозяйственную жизнь — и создала хозяйственный подъем. Так было и в Россіи, в эпоху Столыпинской реакціи, послѣ революціи 1905 г.

Так, по всей вѣроятности, будет и в Россіи послѣбольшевнической. Иначе говоря: эпоха «реакціи» — не есть эпоха психической «депрессіи» народа, а «переключенія» пробудившейся народной энергіи из одной области — политической — в другую — хозяйственную. Если, при этом, в эпоху реставраціи во Франціи, хозяйственное возрожденіе проходило «анархично, вразброд, ошущью», и в хозяйственной жизни торжествовали принципы «индивидуализма и либерализма», то не в силу реакціи против государственнаго вмѣшательства и коллективизма Революціи, а, наоборот, потому, что эти формы и принципы хозяйствованія и выражали новую вѣру, рожденную Революціей — вѣру в свободу, личность, индивидуальную инициативу. Люди эпохи реставраціи — по крайней мѣрѣ, хозяйствующіе, — так же, как и люди Революціи, вѣрили в «естественный порядок» хозяйственной жизни, в гармонію интересов, в благотѣльность для человѣчества свободной игры экономических сил. Всякое вмѣшательство коллектива в эту игру казалось им смертельным. Государство должно оставить хозяйственную жизнь в покоѣ или, точнѣе, вмѣшине охранять ея покой так, как охраняет ночной сторож покой дома. В хозяйственный дом оно входить не должно. «У міра свои пути — предоставьте людям свободно хозяйствовать. — *Le monde va de lui-même; laissez nous faire, laissez passer*». Такова хозяйственная вѣра людей эпохи. Пророки этой вѣры — Адам Смит и Іеремія Бентам — были для своего времени совсѣм не реакціонерами, а революціонерами. Адам Смит мечтал о благѣ человѣчества и о «богатствѣ народов». Іеремія Бентам ставил цѣлью управленія и хозяйствованія «наибольшее счастье наибольшаго количества людей». Неправильно поэтому думать, что хозяйственный подъем той эпохи создал homo oeconomicus, стремившійся исключительно к личной выгодѣ. Homo oeconomicus был, вмѣстѣ с тѣм, и просто человѣком своего времени, охваченными, как и всѣ, Волтеровою вѣрой в «общее благо» и человѣческое счастье. Без вѣры народа в его правду вообще никакой строй — ни политической, ни хозяйственной — длительно невозможен. Разумѣется, не менѣе важно было и то, что эту вѣру оправдывала жизнь. Хозяйственная свобода и индивидуальная инициатива, дѣйствительно, творили чудеса. Правда, это происходило

не потому, что «у міра свои пути», вѣдущіе к всеобщей гармоніи, а потому, что Европа завоевывала мір и, вмѣстѣ со своей цивилизаціей и Вольтеровой вѣрой, распространяла по всему міру свои товары. Гармонія европейских интересов достигалась жертвой интересами цѣлых материков. Но люди той эпохи этого не замѣчали.

Спрашивается: возможно ли, чтобы «новый человек», рожденный Россійской революціей, — даже в том случаѣ, если за ней наступит реакція — загорѣлся той хозяйственной вѣрой, которой горѣли его прадеды больше вѣка тому назад? И что не менѣе важно: возможно ли, чтобы тѣ хозяйственныя формы, которыя создали экономическій расцвѣт Франціи в эпоху реставраціи, оказались годными для экономического возрожденія Россіи в настоящем состояніи міра и дали выход разбуженной Революціей энергіи русскаго народа? Надо всмотрѣться в лицо современнаго «новаго человека» — все равно, русскаго, нѣмца, итальянца, американца и даже француза — и в лицо міра, чтобы с увѣренностью отвѣтить, что это невозможно. Современный человек не вѣрит в «естественный порядок» ни природы, ни хозяйственной жизни. Наоборот, он видит в них «безпорядок», который надо исправить. Он зло смѣется над «гармоніей интересов». И он скептически относится к «свободной игрѣ экономических сил» и «частной инициативѣ». И что самое важное: он ненавидит тот строй, который породили эти формы хозяйствованія. Капитализм и его носители — вот зло, которое надо раздавить. В этом чувствѣ объединены «новые люди» всѣх направленій — от коммунистов и до монархистов. Вѣрит новый человек в другое: в вѣдущую волю, план, организацію, коллективную энергію, «общее дѣло». Он хочет создать хозяйственный строй, гдѣ «порядок» и «гармонія» будут достигаться не борьбою всѣх против всѣх и не свободой «дѣлать, что хочешь», а самодержавным управленіем вождя или самоуправленіем хозяйствующих коллективов, гдѣ каждый найдет себѣ труд и мѣсто по достоинству, и гдѣ всѣ вмѣстѣ будут заново перестраивать земной шар, а, может быть, и другія планеты. Такова хозяйственная вѣра новаго человека, за которую он готов отдавать свои силы, а, если надо, и жизнь. Этой вѣрой объясняется многое, что кажется диким и непонятным в

«генеральной линіи» большевиков. Этой вѣрой охвачен сейчас американскій народ, ненавидящій диктатуру и, вмѣстѣ с тѣм, слѣпо идущій за своим свободно избранным вождем. «We do our Part» — говорят американцы, принося жертвы на алтарь своей новой вѣры: «New deal». Этой вѣрой пользуются и диктаторы, управляя народами, как арміями в походѣ.

П. Михайлову кажется, что русскій народ уже переболѣлъ этой болѣзью, что, пройдя большевицкую муку, он воспитал в себѣ «недовѣріе ко всяким планам, к коллективным начинаніям, ко всему, что предполагает подчиненіе общественному руководительству». Он ссылается на человѣчeskій документ: «Хожденіе по Вузам» Москвина. Он ошибается: у Москвина напечатано письмо комсомольца, которое точно характеризует настроенія новаго русскаго человека. «Дорогой папа... — пишет комсомолец отцу. — Ты все так же недоволен жизнью, ворчишь о невозвратном, критикуешь настоящее, стремишься в прошлое. Пойми ты — конец всему. Есть проекты, значит, есть жизнь. Плоха она, знаю, но что подѣлаешь? Это неизбежно в новом свѣтѣ, в новыя начинанія... Ты говоришь, нужно бѣжать от сегодняшней дѣйствительности. Но куда? Зачѣм? Предположим, нѣт всего этого, нѣт сегодняшняго дня, но что такое будет завтра? Капитализм? Реставрація? Нѣт, папа, этого нам не надо... Мы органически связаны с идеей будущаго социализма и слѣпо и безропотно служим ей... Даже тогда, когда новый человек недоволен настоящим и властью и переходит в «оппозицію», он твердо помнит: «мы остаемся на коммунистических позиціях». Старая хозяйственная вѣра умерла «крѣпко». Родилась новая вѣра. Надолго ли? Во всяком случаѣ, на многія десятилѣтія, а, вѣрнѣе, на вѣка. — И так же невозможно, чтобы экономическое возрожденіе Россіи проходило в старых хозяйственных формах. От того ли, что умерла старая вѣра, одушевлявшая капиталистическій строй; от того ли, что перемѣнилось «строеніе капитала»; от того ли, что цвѣтныя материки возстали против Европы и закрыли пути ея свободнаго хозяйствованія; или, что болѣе вѣроятно, от всѣх этих причин вмѣстѣ, — но несомнѣнно одно: старый хозяйственный строй больше не «стоит». Относительно этого могли еще быть сомнѣнія полутора года назад, когда мы с П. Михайловым писали

наши статьи. Теперь в этом сомневаться нельзя. Капиталистический строй за эти полтора года катастрофически быстро разрушался. И так же лихорадочно быстро создавался новый хозяйственный порядок. Вот уже год, как в Америке производится грандиозный опыт Рузвельта. Почти половина мирового производства, сосредоточенная в Соединенных Штатах (40%), перестраивается на новых началах — плана, управления, «кооперации». Американский народ ведет «величайшую битву своей истории». Почему? Потому что старый хозяйственный строй грозил разрушиться до основания. Нельзя было терять ни минуты. Рузвельт может делать тысячи ошибок — американский народ все ему прощает за его мужество и решимость. Ибо он твердо знает, что на старых путях спасения нет. И то же происходит в других странах: Италии, Германии и даже, хотя и больше робко, в Англии и Франции.¹⁾ В этом логика новых хозяйственных отношений — логика не только людей, но и «вещей», а потому и логика истории. У хозяйственной жизни, действительно, есть свои «законы», хотя они и оказались не теми, какими их предполагали экономисты старой школы. Или, вернее, — у каждой эпохи — свои экономические законы. Не уйдет от этих законов и послеполитическая Россия. Разумеется, это не значит, что сохранится нетронутым большевистский крепостной строй. Жизнь уже выработала целый ряд форм нового «планового» хозяйства: от крепостных коммунистических, через корпоративно фашистские, до форм «хозяйственного самоуправления» американской демократии. Опыт укажет еще другие формы. В этом и коренится наша надежда на раскрепощение русского народного хозяйства после падения большевистской власти — наша «50-летка». Но какие бы при этом перемены в хозяйственном строе ни были произведены, все равно, будущее послеполитическое русское хозяйство будет хозяйством новым — «плановое», «управляемое» и, в значительной мере, «коллективизированное», а не старое, дореволюционное. Такое хозяйство вынуждена будет вести в России

¹⁾ В 4 странах, перестраивающих свое хозяйство на новых началах — Соединенных Штатах, Германии, Италии и России — сосредоточены 64% мирового промышленного производства.

любая власть, пришедшая на смену большевистской, как бы далеко ни пошла она назад в политической области. Как вынуждены вести его власти всего мира — реакционные и революционные. — Так будет в том случае, если в России наступит реакция.

Но мы уже условились выше, что реакция в России еще долгие годы не будет. Что еще долгие годы в России, как во всем мире, будет продолжаться революционный «подъем». Что еще долгие годы Россия, как и весь мир, будут идти по линии народного напряжения и коренной перестройки. Что Россией, как и всем миром, будут управлять новые люди и в особенности молодежь. Что, вообще, наша эпоха героическая. Новые люди любят движение и борьбу. Они ненавидят тишину и безделье. «Je suis un marcheur», — говорит Муссолини: «Мы против удобной жизни». То же могли бы сказать и все новые люди. Современная бурная эпоха, которая так ужасает людей старой культуры, кажется им самой прекрасной в человеческой истории. Если они бывают недовольны настоящим, то всегда во имя будущего, а не во имя прошлого. Если и вспоминают о прошлом, то о прошлом героическом и революционном. И, когда они попадают в тихую заводь старой Европы, они умирают от тоски. Идти к такому поколению с проповедью программы, рассчитанной на «покой и санаторное лечение», значит совершать политическое самоубийство. Новые люди даже не будут спорить с нею — они ее просто не услышат. Потому, как это ни трудно людям старшего поколения, пережившим революцию и утомленным ею, они должны сделать другое. Если они хотят сберечь вечные ценности, заключенные в старой культуре, и передать их культуре новой, если они хотят действительно, а не «созерцательно», бороться против «зла» за «добро», они должны пристально взглянуть в лицо современного человека, в лицо эпохи, и найти в себе мужество и силы идти с ними в ногу. Ибо надо твердо помнить, что и за вечные ценности можно бороться только в линии, темпе и воздухе эпохи. — Отсюда проекты чертежа Нового Града. Я сказал бы П. Михайлову, вышине парадоксально, но, по существу, точно: планы Нового Града в виде Чикаго или Нью-Йорка, для нашей эпохи больше реальны, чем планы «захолустного скита». Чикаго или Нью-Йорк новые люди еще, может быть,

и построят, хотя, навѣрно, сильно изуродуют их. Но захолустный скит обязательно откроют и разорят.

Я слышу отвѣтъ П. Михайлова: в таком случаѣ, Новому Граду, в нашу эпоху, дѣлать нечего. Какія бы цѣнности мы ни клали в его основу, он может быть построен только «на мѣрѣ». В эпоху безмѣрности и мирового безумія, в состязаніи на скорость между добром и злом, побѣдит зло. Или, как сказано в передовой статьѣ № 7 «Новаго Града»: «Злу побѣждать жизнь много легче, чѣм добру: добро закипает только при 100 градусах Цельсія; зло уже при 50». На это я возражаю с полной увѣренностью: это не так. И в нашу эпоху Новому Граду есть что дѣлать. Да наша эпоха, и вообще, не такая плохая. Разумѣется, для нас Ганди — не абсолютное добро. Но все-таки добро, особенно в сравненіи с кровавым хаосом китайской революціи. И, однако, Ганди ведет за собой 300-милліонный индускій народ. Разумѣется, не абсолютное добро для нас и Рузвельт. Но он кажется нам гением свободы в сравненіи с тиранией Сталина. И, однако, Рузвельт ведет за собой 120-милліонный американскій народ. В чем сила и Ганди, и Рузвельта? В доброй вѣрѣ, которая горит в них. Значит, и в нашу эпоху добро может бороться со злом и побѣждать его. Да иначе и быть не могло бы: это противорѣчило бы нашей собственной вѣрѣ. Что же касается вышеприведеннаго положенія о температурах кипѣнія добра и зла, то оно противорѣчит и законам духа и законам физики: добро закипает раньше зла так же, как чистая вода закипает раньше всякой смѣси. Только надо, чтобы под добром горѣл огонь.

И. Бунаков.

Проблема свободы в наше время

Тремя основными законами регулируется ход исторического развитія:

Закон ритмики — дѣйствій и противодѣйствій, тезисов и антитезисов, подъемов и паденій, утверженій и отрицаній.

Закон несовпаденія кривых, вычерчиваемых движеніем в каждой отдѣльной сферѣ дѣятельности, обусловленный относительной независимостью этих сфер.

Закон инерціи, привязанности к привычному, но иногда и потребности что-то до конца уяснить, договорить, довершить, — хотя бы жизни до этого «чего-то» уже и не было дѣла.

Соединенным дѣйствіем этих трех законов опредѣляется облик и строеніе каждаго исторического момента.

В силу все возрастающей, вслѣдствіе обогащенія исторической памяти, сложности субъекта исторіи, здѣсь возможны все большія и большія разнообразія комбинацій, так что, чѣм дальше движется во времени человечество, тѣм большим должно быть своеобразие каждаго момента, и тѣм труднѣе подвести его под какую-либо общую категорію.

За всю многовѣковую исторію извѣстной нам части человечества был один момент — только что изжитый нами, одно столѣтіе — 1814 — 1914, — когда люди были вполне свободны, когда принцип свободы был положен в основу права, морали, политики, духовнаго творчества, и когда этот принцип все болѣе охранялся и укоренялся. Это было дѣлом буржуазіи. Всюду и всегда, гдѣ только из массы мѣщанства, городских обывателей, формировалась буржуазія, она заявляла о своем возникновеніи тѣм, что требовала свободы. Покуда буржуазія дѣйствовала в рамках города, ей легко было добиваться свободы и пользоваться ею для себя. Но в новое время, время національнаго хозяйства и національной политики, буржуазія не могла добиться свободы иначе, как требуя ее для всѣх и обезпечивая ее за всѣми.

Как раз тогда, когда буржуазия извлекла все выводы из идеологии, которую она сделала своей, когда она создала хозяйство, где «предустановленная гармония» осуществляется путем состязания интересов, государство, где «общая воля» осуществляется путем состязания мифов, когда в этих сферах сказывается закон инерции, в смысле окончательного торжества традиции «вѣка Разума», восходящей своими корнями к Декарту и Локку, к Ад. Смиту и Бентаму, — закон ритмики обнаруживает себя в том, что одновременно достигает своей высшей точки волна романтизма. Идея свободы — центральная идея романтизма, точно так же как и рационализма — и с этой точки зрения можно говорить о совпадении обеих тенденций и о их сотрудничестве. Но романтическая свобода все же совсем не то, что свобода, как ее понимала буржуазия, как ее понимал рационализм. Рационализм положителен, «реалистичен» и в сущности довольствуется малым. Свобода для него — это право делать или говорить все что угодно в рамках закона. Он и начинает с малого, с непосредственно данного, с индивидуальной личности, с «части». Цѣлое для него не что иное как результат компромисса, т.е. нечто само по себе, пожалуй, и не имеющее цены. Романтизм максималистичен. Он не желает никаких компромиссов. Он хочет общества, где не может быть и речи о каких бы то ни было уступках со стороны «части» в пользу «цѣлага», или со стороны «цѣлага» в пользу «части» — ибо в идеальном обществе противоположность цѣлага и части «снята»; или, раз подобного общества нет налицо, он вообще ничего не желает знать о «цѣлом», об обществе. Романтический человек сперва *promeneur solitaire*, бездельник, мечтатель «на лоне природы», позже — «гений», преображающий действительность в плане «фантазии», или примиряющийся с нею в плане «иронии». Это его дѣтство и отрочество. К середине вѣка он достигает возмужалости, он умнѣет и обрѣтает себя. Он уже перерос инфантильную грезу о «золотом вѣкѣ за нами» и уже вылез из пессимизма, от своей «мировой скорби», которой он самоуслаждался в юности. Понимавши и почувствовав свою силу, он начинает понимать и ценить врага и, вместо того чтобы отворачиваться от него, вступает с ним в открытую борьбу, пуская в ход у него же взя-

тое оружие. «Гений» становится титаном, кабинетный бунтарь, салонный демон — революционером. Сочетая «буржуазную» рационалистическую теорию прогресса, «успѣхов разума», с романтической теорией отпадения от первоначальной невинности, новый романтизм создает теорию прогрессирующего, в результате «успѣхов разума», Зла, прогрессирующего, в результате прогресса Свободы, поработения экономически слабых экономически сильными — и видя в этом историческую необходимость, приходит к идее, внутренне родственной идее, заложенной в основе всякой религии, — идее освобождения — не от Разума, не от созданных им прогрессивных форм жизни, но от самой этой необходимости. Механистический научнический, «позитивистический», «реалистический» характер новой религии сказался в том, что предметом культа, освободителем, титаном мыслился не единственный пророк, мессия, богочеловек, но — так как, в условиях этого мышления, освобождение от необходимости представлялось должествующим наступить «с необходимостью», — коллектив, класс, пролетариат; также в том что самый момент освобождения от насилия мыслился не иначе как в виде переворота, состоящего в применении насилия против насильников.

В этом — вторая специфическая черта минувшего вѣка. Никогда раньше в такой степени и в таком смысле не культивировались революционизм, дух отрицания, протеста, возмущения. Неспособность удовлетвориться тем бы то ни было, на чем бы то ни было остановиться — общечеловѣческое свойство, то что отличает человека от животного, приспособленного к среде в качестве порождения, — и от Бога, творящего все из ничего. Истинный человек всегда в какой-то мере *inadapté*, протестант, нон-конформист. Однако нон-конформизм прежних времен был нечто совершенно иное, нежели нон-конформизм XIX вѣка. Средневѣковый идеальный человек, святой, тоже был убежден в коренной ложности, несправедности, грѣховности мира сего. Но он старался внести в него начала правды, добра и любви, освятить и облагородить сложившиеся отношения, примиряясь с тем, что абсолютное совершенство в плане земного бытия недостижимо и возлагая свои упования на осуществление абсолютного добра в мире потустороннем. Человек Ренессанса

уходил от несовершеннаго міра эмпириі в мір искусства, гдѣ он из матеріала, даннаго ему в послѣднем, творил, земной бог, свой собственный мір. Человѣкъ классическаго вѣка усматривал несовершенство эмпирическаго бытія главным образом в своем собственном несовершенствѣ, в несовпаденіи своих личных влеченій и интересов с вѣлніями государства и церкви. Его идеальность, его героизм, состоит в готовности борьбы с самим собою, что дает ему право требовать такой же жертвенности от других. «Философ» XVIII вѣка совмѣщал релятивизм с максимализмом и оптимизм с пессимизмом: каждый народ имѣет то правительство, котораго он заслуживает, сумма зла убывает, и сумма добра возрастает в зависимости от успѣхов просвѣщенія; люди еще долго будут дурны, потому что трудно им сразу поумнѣть, а потому — *cultivons notre jardin*.

Не таков идеальный человѣкъ середины XIX вѣка. Это — *Uebermensch*, титан, богоборец. Его назначеніе — обновить мір, болѣе того — создать новый мір, снесши до основанія старый. Но здѣсь возможны два пути: путь преображенія человѣка, путь Ницше и Вагнера, и путь преображенія «среды», общественной ткани, путь Маркса. Титаническое умонастроеніе исключало компромисс, исключало самую мысль о возможности третьяго, средняго пути. Первый отводил в тупики солипсизма, эстетствующаго демонизма и сатанизма, в удушливую атмосферу *paradis artificiels*, в силу чего — и это третья специфическая черта прошлаго вѣка, до сих пор еще не вполне изжитая, — «Культура» парадоксальным образом нацѣло отдѣлилась от «общественности», «Культура» и «общественность» образовали два отдѣльных плана бытія.

Отличіе второго пути от перваго в том, что опасности, подстерегавшія на нем, были не столь замѣтны, обнаружились много позже и готовили вступившим на него не столько трагическій, сколько комическій исход. Титанической человѣкъ второй разновидности, утвердившій свой титанизм на «научной» основѣ имманентист и детерминист, подобно средневѣковому человѣку, был убѣжден, что мір лежит во злѣ и вмѣстѣ с тѣм вѣрил в грядущій новый эон; но, в отличіе от средневѣковаго человѣка, он считал, что новый эон наступит не чудом насилія благодати, но «естественным образом», внутренне-законо-

мѣрным путем упраздненія насилія насиліем над насильниками. Подобно средневѣковому человѣку, и он возлагал свои упованія на Новый Израиль, на носителя залогов грядущаго имтегральнаго обновленія. Но, в согласіи со своим «научным» мышленіем, он представлял себѣ этот Новый Израиль совершенно иначе: это не святые божьи, образующіе невидимую, мистическую церковь, объединенные в духѣ и в истинѣ; это — опредѣленный общественный класс, функція производственных отношеній, вмѣстѣ с ними прогрессирующей, т.-е. все болѣе и болѣе накапливающей в своих нѣдрах взрывчатая масса классовой сознательности, т.-е. классовой зависти и классовой ненависти. Единичный человѣкъ, уже достаточно созрѣвшій умственно для вхожденія в царство новаго эона, не облѣ как экспонент этого процесса роста коллективнаго титана. Этим опредѣляется и отводимая ему роль. Она заключается единственно в его *martyrium* в первоначальном значеніи этого слова, в его свидѣтельствovanіи об Истинѣ в исповѣданіи Истины — не дѣлами, ибо до наступленія сроков «дѣла» невозможны, а установкою, позиціею, позою; кончилось тѣм, что цѣнность человѣческой личности стала измѣряться автоматически исключительно градусом ея «дѣвизны», и что пролетарское происхожденіе стало расцѣпываться так, как в эпоху стараго порядка «*quatre quartiers de noblesse*».

Фактически, поскольку общественное мнѣніе является творящей, если не право, то обычай, конституціонная соглашенія силой, класс, на который имманентными судьбами исторіи было возложено созданіе новаго, безклассоваго, общества, все болѣе тяготѣлъ к тому, чтобы обратиться в привилегированное сословіе — и эта тенденція усиливалась по мѣрѣ того, как этот класс все болѣе охладѣвал к тому, что считалось его миссіею, ибо и надобность в выполненіи ея все уменьшалась. Классовая идеологія перерождалась в официальную доктрину активных слоев общественно-государственнаго тѣла, в навязываемое общественным мнѣніем исповѣданіе, и вмѣстѣ с этим классовое сознаніе перерождалось в сословное самомнѣніе. Мнѣ, возвеличивавшій состояніе приниженности, слабости, безпомощности, угнетенія, нищеты, утратив свое значеніе мнѣа как воплощенной в образѣ идеи-силы, бережно поддерживался как обоснова-

ніе все возраставших притязаній и санкція все новых и новых пріобрѣтеній. В условіях хозяйственной устойчивости, какой достиг мір наканунѣ войны, когда подавляющее большинство людей всѣх общественных слоев объединялось в категоріи «satisfaits», такое состояніе сознанія, при всей своей внутренней противорѣчивости, было удобным, привычным и имѣло всѣ шансы на то, чтобы длиться неопредѣленное время.

Послѣ войны положеніе измѣнилось. Наряду с так сказать официально существующим, привилегированным пролетаріатом, образовался новый — из множества деклассированных отбросов всѣх подвергнувшихся потрясеніям, вызванным войною и послѣвоенной конъюнктурой, общественных слоев; да и сам «официальный» пролетаріат пролетаризовался, и был поставлен перед опасностью возвращенія к состоянію времен Коммунистическаго Манифеста.

В этих — небывалых — условіях всеобщей и прогрессирующей пролетаризаціи мнѣ классової борьбы, уже давно омертвѣвшей, не годился даже в качествѣ декорации или вывѣски. Его и убрали. Но без мнѣа люди жить не могут. Комбинированное дѣйствіе законов инерціи и ритмики сказалося и на этот раз. Привычка держаться в позѣ обиженнаго, угнетеннаго, таящаго ненависть и готовность к мести, подкрѣпленная внезапно свалившимися на голову реальными обидами, униженіями, лишеніями, способствовала тому, что поза оказалась выраженіем подлиннаго состоянія сознанія. Никогда, кажется, чувства ненависти, озлобленія, отчаянія не были в такой мѣрѣ и столь безраздѣльно двигателями человеческой дѣятельности. Своеобразіе нашего времени в том еще, что эти чувства были обусловлены возбудителем такого рода, что он не мог стать их объектом: нельзя же в самом дѣлѣ ненавидѣть «конъюнктуру». Но нельзя также и «ненавидѣть вообще», ненавидѣть безпредметно. Поскольку в ненависти объединяются в сѣ общественныя категоріи, она могла стать источником новаго націонализма, искать своего объекта внѣ границ націи. Отчасти это имѣет мѣсто. Но только отчасти. Во-первых, новые вожди благоразумно слѣдуют здѣсь тактикѣ своих предшественников — вождей пролетаріата, обѣщавших повести его на послѣдній рѣшительный бой, но только не сегодня и не завтра. Во-вторых, не

забудем, что важным и по численности и по выучкѣ в области политической техники элементом новаго пролетаріата является прежній пролетаріат, у котораго свой собственный объект ненависти был сразу на лицо: людям свойственно ненавидѣть всего сильнѣе то, что было раньше предметом их культа. Объект ненависти найден. Это «марксизм».

Конечно, все сказанное — отнюдь не точный снимок с дѣйствительности, слишком сложной, внутренне-противорѣчивой, многопланной, чтобы ее можно было выразить в одной формулѣ. Это только попытка отобразить главную линію развитія, намѣчающуюся, в качествѣ господствующей, тенденцію, проявляющую себя бессознательно и безотчетно нерѣдко и в тѣх, кто, казалось бы, сопротивляется ей. Нельзя упускать из виду и того, что и самый объект ненависти — «марксизм» в пониманіи масс величина очень расплывчатая и многолика, понятіе, лишенное сколько-нибудь опредѣленнаго содержанія и тѣм легче вбирающая в себя любое. Это и социалдемократія, и парламентскій строй, и пацифизм, и еврейство, и безвѣріе, а заодно как будто и христіанство.

Как бы то ни было, «марксизм», во всей многогранности этого понятія, есть то, что наше время отрицает. Но что же утверждает оно? Логично было бы отвѣтить: все то, что отрицает «марксизм». Но это так только кажется на первый взгляд. Діалектика жизни много сложнѣе. Вѣрно, что в современном антимарксизмѣ есть подчеркиваніе тѣх цѣнностей, которых новѣйшій «марксизм», правда, не отрицал, но которыя все же он не признавал ни абсолютными, ни вѣчными — народность, національная традиція. Мы бы ожидали, что антимарксизм явится возродителем всѣх других цѣнностей, испытавших такое же отношеніе со стороны творческой роли личности. Марксизм требует «культуры по социальному заказу». В этом между «марксизмом и новым антимарксизмом — никакой разницы. Марксистское отношеніе к культурѣ обусловлено его пониманіем человека как, прежде всего, потребителя благ. Не случайно, по терминологіи нынѣшних марксистов, художник, поэт, музыкант «работают» на феодальный, буржуазный и тому подобный «рынок». Строеніе всѣх офер культуры мыслится здѣсь вполнѣ

аналогичным строению сферы хозяйственных отношений. Это тѣнѣйшимъ образомъ связано с «марксистской» мечтой о земномъ раѣ, рауs de cocagne, царствѣ Иванушки-дурачка, «марксистской» любви к вещамъ, к деньгамъ, к «удобствамъ». И в этомъ между «марксизмомъ» и «антимарксизмомъ» тоже — ни малѣйшей разницы.

Мнѣ все время приходится брать эти термины, «марксизмъ» и «антимарксизмъ», в кавычки, подчеркивая их условность. В сущности же и «марксизмъ» и «антимарксизмъ» и все то, что можно было бы покрыть терминомъ «а-марксизмъ», всѣ современныя направленія общественной мысли, поскольку она ставитъ проблему культурнаго кризиса, возрожденія культуры, сходятся в одномъ: всѣ признаютъ, какъ нѣчто безспорное, непреложное, какъ исходный пунктъ всѣхъ разсужденій, всѣхъ плановъ, всѣхъ требованій то, что блага в мѣрѣ распредѣлены несправедливо и что они должны быть распредѣлены такъ, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ автомобиль, радио и проч. «Одержимость идеей обогащенія» — такова, какъ выразился Бергсонъ в своемъ послѣднемъ твореніи, общая черта нашего вѣка. Кажется, онъ первый предложилъ единственно правильное разрѣшеніе проблемы, выдвинувъ «одержимость идеей бѣдности». Насколько я знаю, мысль Бергсона подхватилъ только одинъ человѣкъ, эссеист Alain, противопоставившій недавно принципу «равенства в богатствѣ» принципъ «равенства в бѣдности».

Важно во всякомъ случаѣ, что эта мысль была высказана — и притомъ двумя умнѣйшими и исключительно чуткими людьми. Это даетъ право утверждать, что подлинная реакція противъ «марксизма» уже наступила. Впрочемъ, опять таки, — подходит ли здѣсь терминъ «марксизмъ»? Это зависитъ отъ того, что мы желаемъ обозначить имъ: собственную ли мысль человѣка, давшего свое имя направленію, или ея пониманіе тѣми, кто считалъ себя его послѣдователями. Отличіе Маркса отъ всѣхъ Weltverbesserer'овъ (за исключеніемъ Бакунина) в томъ, что онъ ни разу не попытался дать хотя бы схему грядущаго преображеннаго міра. Бываютъ случаи, когда умолчанія говорятъ больше, чемъ самыя подробныя разглагольствованія. В ученіи Маркса это не «пробѣлъ», а напротивъ — самый важный пунктъ, какъ иная пауза в

музыкѣ, какъ «бѣлая страница» в поэтикѣ Маллармэ. Смысл этого умолчанія такъ ясенъ, что надо было быть «марксистомъ», чтобы не увидѣть его, чтобы «восполнить» пробѣлъ в ученіи учителя, какъ это дѣлали марксисты — подобно тому какъ Тургеневъ «восполнял» паузы в стихахъ Тютчева. А между тѣмъ, вѣдь, самъ Маркс далъ понять причину своего умолчанія. Пробѣетъ «послѣдній часъ» и человѣчество совершитъ «скачокъ изъ царства необходимости въ царство свободы». Здѣсь всѣ слова сказаны, и каждое слово взвѣшено. Эволюціонный процессъ завершенъ, исторія кончена, «времени больше не будетъ». Отнынѣ жизнь протекаетъ в иномъ планѣ, в силу опредѣленія недоступномъ нашему сознанію, воспринимающему міръ в категоріяхъ, порожденныхъ владѣющей и сознаніемъ и міромъ «необходимостью», — в планѣ «свободы». Разъ «свобода», то значитъ полная, абсолютная отрѣшенность отъ связующей духъ матеріи, отъ заботъ о земныхъ благахъ. Къ вопросамъ хозяйства, вопросамъ распредѣленія благъ люди, в коммунистическомъ раю Маркса, какъ философы в государствѣ Платона, будутъ относиться такъ, какъ относились къ нимъ Христосъ и св. Францискъ, т.-е. — н и к а к . В этомъ великая, вѣчная правда Маркса, которую самъ же онъ затемнилъ своимъ жалкимъ ученіемъ о коллективномъ, безликѣмъ, бездушномъ, «опредѣленномъ производственными отношеніями» замѣстителѣ воплощеннаго Слова.

Такъ ученіе Маркса и судьба его пріобрѣтаютъ значеніе своего рода эксперимента. Коллективный искупитель человѣчества оказался стадомъ. Только свободная духомъ личность дѣйствительно свободна. И только свободная личность можетъ дать свободу людямъ, освободивъ ихъ отъ потребностей, которымъ они себя поработили, потому что забыли о единомъ на потребу. Что это возможно, что не всегда люди рабствовали вещамъ, — об этомъ свидѣтельствуетъ мнѣ о насыщеніи четырехъ тысячъ человѣкъ, «не считая женщинъ и дѣтей», семью хлѣбками. Нашему же времени всего лучше соотвѣтствовало бы сказаніе о томъ, какъ семеро человѣкъ нашли четыре тысячи хлѣбовъ — и остались голодными.

П. Биццали.

Исканія соціальной правды молодой Франціей

Франція перестала быть спокойной, благополучной и консервативной страной, какой она многим казалась в послѣвоенные годы. Страна побѣдителей как будто бы долго не чувствовала кризиса міра. Послѣ войны съ особенной силой начали подчеркивать, что Франція — страна классическая, страна латинской мѣры, не теряющая разсудка, чуждая динамизму русских и нѣмцев. Французскій народ был осознан, как народ антиреволюціонный, вопреки тому факту, что он совершил столько революцій. Принципы либерализма и парламентской демократіи стали во Франціи принципами консервативными. Франція стала защитницей стараго міра против динамических движеній современности. Консерватизм современных французов, их сопротивление новым теченіям и в теоретической мысли и в социальном дѣйствіи выражались прежде всего в приверженности идеям XVIII вѣка и французской революціи. Французы вѣрят в универсальное значеніе французскаго гуманизма, в каѳоличность разума, который есть разум латинскій, в каѳоличность принципов свободы и равенства, как их поняла французская революція. Но принципы французской революціи давно уже перестали быть динамическими, они стали статическими. Эррію, вождь самой сильной и господствующей во Франціи партіи радикалов, поражает своей архаичностью и старомодностью: он человек позпрошлаго вѣка, ученик Руссо, якобинец, хотя отнюдь не кровожадный, он любит примѣшивать к политическим рѣчам проповѣдь универсальной гуманистической морали. Это свидѣтельствует о полном отсутствіи динамизма. Когда переводилась на французскій язык моя книга «Новое средне-вѣковье», мнѣ казалось, что она останется чуждой французам. В дѣйствительности именно во Франціи она имѣла наибольшій успѣх, но главным образом среди молодежи, в которой пробудились новыя настроенія и исканія. К современной Франціи уже

непримѣнима характеристика ея, как страны консервативной, спокойной и довольной. Эта характеристика остается вѣрной лишь в примѣненіи к старым политическим партіям, — может-быть, к старой университетской наукѣ. Традиционных лѣвых я считаю консерваторами, это нужно имѣть ввиду во избѣжаніе недоразумѣній. Но сейчас даже радикальная партія, в этом отношеніи классическая, чувствует свою отсталость от жизни и желала бы омолодиться. Молодежь же современной Франціи очень взволнована и настроена революціонно. Она страстно ищет соціальной правды и иногда напоминает русскую молодежь второй половины XIX вѣка. И, что особенно нужно подчеркнуть, избранная часть французской молодежи связывает исканіе соціальной правды или с христіанством или во всяком случаѣ с защитой духа и духовных основ жизни. Эта молодежь не только настроена революціонно по отношению к существующему порядку, или, вѣрнѣе, беспорядку, как обычно теперь говорят, но она даже злоупотребляет словом «революція», которое, очевидно, имѣет притягательную силу. Требованіе интегральной революціи стало почти общим мѣстом всѣх органов молодежи, всѣх их публичных выступленій. При этом часто остается недостаточно опредѣленным, что такое революція. О революціи говорит не только лѣвая часть молодежи, но и правая часть. Против современнаго парламентарнаго режима, против коррупции парламентаріега и министров, против скептицизма и либерпансерства либеральной и радикальной буржуазіи подымается революціонный протест слѣва и справа. Не хотят болѣе терпѣть игры партій, которая мѣшает всякому здоровому творческому движенію. Слева и справа иногда выставляют схожія требованія. Молодежь из лагеря Action Française иногда переходит к новым, очень лѣвым теченіям, и даже к коммунизму, так же как бывают и обратные переходы. Но молодежь одинаково враждебна выдохшемуся и разложившемуся либерализму, парламентаризму, отвращается от духа радикальной партіи. Нужно впрочем сказать, что в кругах французских intellectuels давно уже потерял кредит парламент и выходящія из парламента правительства. Политика считалась дѣлом профессионалов, очень отдаленных и от жизни французскаго народа и от интеллектуальной жизни Франціи. Но молодежь сейчас не

только далека от официальной политики парламентских партий и правящих кругов, она агрессивно ей враждебна. Это есть полный крах в молодых поколениях старого понимания свободы, доведшего до равнодушия к истине, до разложения. Эта свобода стала помехой в социальном реформировании общества. Но французская молодежь по иному взволнована, чем молодежь немецкая, итальянская или русская. Существуют, конечно, коммунистические симпатии. Это одна из форм, которая принимает анти-буржуазность, анти-капитализм, анти-либерализм молодежи. Но коммунизм во Франции слаб, он совсем не выдвигает значительных людей. Модное и часто снобическое обращение к коммунизму встречается среди старшего поколения *intellectuels* и *hommes de lettres*. Молодежь относится скептически к обращению А. Жида, это обращение не импонирует, хотя оно, может-быть, и вполне искренно. Так же и фашизм не французское явление, хотя сейчас во Франции, после февральских волнений, существует страх фашизма, почти что мания в этом отношении в левых кругах. Но настоящего фашизма во Франции не существует. Фашизмом часто называют просто правые течения, враждебные либеральной демократии и требующие сильной власти, течения агрессивно буржуазного характера. Забывают, что фашизм есть движение народное и демократическое по своему социальному составу. *Action Française*, например, совсем не есть фашизм. Во главе фашистского движения не могут стоять такие типичные литераторы, *intellectuels*, как Ш. Моррас и Л. Додэ. Фашизм основан на идее тотального государства, на крайнем этатизме. Между тем как Ш. Моррас считает себя антиэтатистом и обвиняет демократическую республику в эксцессах этатизма. Это связано с характером французской революции и с ее результатами.¹⁾ Но наиболее интересные движения молодежи и не фашистские, и не коммунистические, и не *Action Française*, в них то и есть новые искания. Движения эти, будучи резко анти-буржуазными и анти-капиталистическими, отличаются и от коммунизма и от фашизма

¹⁾ Для антиэтатизма правых течений во Франции очень интересна книга *Augustin Cochin «La révolution et la libre-pensée»*. Кошю возмущает против социализации мысли и социализации личности, происходящих со времени французской революции.

тем, что они антиэтатичны, персоналистичны, защищают свободу духа и достоинство личности. И в этом они сознают себя специфически французскими. Нерядко во Франции раздаются голоса среди представителей новых течений, что миссия Франции защищать свободу и личность против угрожающих им движений, но защищать совсем не на почве либеральных принципов. Персонализм этих течений есть вместе с тем резкий анти-индивидуализм. Это представляется мне наиболее ценным и наиболее близким моим собственным взглядам.

Последние годы во Франции появился целый ряд органов молодежи и ряд группировок, иногда неуволними чертами отличающихся между собой. Всех соединяют между собой отрицательные отталкивания. Отрицательные отталкивания, общая нелюбовь сближают даже такие органы, как «*Esprit*» и «*La revue du siècle*», хотя «*Esprit*» очень левого направления, а «*La revue du siècle*» имеет явно правый уклон. Но и «*La revue du siècle*» отталкивается от капитализма и ищет *ordre nouveau*, лозунг всей идейной французской молодежи. Появляются органы молодежи, представляющие небольшие группы, с очень кратковременным существованием, например «*La lutte*» и мн. др. Интересно ведется «*Le nouveau cahier bleu*». Но особенно слѣдует отметить «*Esprit*», «*Ordre nouveau*» и «*Troisième force*», зачаток новой политической партии, рождающейся из социальных исканий молодежи. «*Esprit*» ежемѣсячный толстый журнал. Вышло уже восемнадцать книг. Это журнал идеологический, занятый выработкой социальной программы на духовных основах. Инициатива его принадлежала католической группѣ, редактор Мунье — католик. Периодически «*Esprit*» выпускает номера, посвященные одной какой-нибудь проблемѣ. Так были номера, посвященные проблемам «собственности», «денег», «труда», «колониальной политики», «фашизма» и др. № 6 журнала был посвящен центральной для «*Esprit*» проблемѣ — «*Rupture entre l'ordre chrétien et le désordre établi*». Это есть разрыв христианства с буржуазным миром. Вся почти христианская молодежь Франции, католическая и протестантская, хочет этого разрыва, это есть общее для всех настроение. Очень интересно для духовного поворота, что свободомыслие, враждебный религии лаицизм, позитивизм в широ-

ком смыслъ для современной молодежи ассоциируется с буржуазными течениями и партиями. Поскольку французский социализм продолжает стоять на почвѣ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, новая молодежь не можетъ с нимъ соединиться, несмотря на сочувствіе многимъ сторонамъ социальной программы. «Esprit» призываетъ прежде всего къ духовной революціи и лишь в связи с ней къ революціи социальной. Иногда революціонный лозунгъ выражается какъ требованіе персоналистической революціи, революціи во имя человѣческой личности. И по истинѣ нужно сказать, что это было бы самой большой и еще никогда не бывшей революціей. Передъ революціей, которая происходитъ в мѣрѣ, стоитъ не только проблема *communauté*, но и проблема *personnalité*, и обѣ проблемы между собой связаны. Уже «*Ordre nouveau*», теченіе возникшее раньше журнала «Esprit» и одно время издававшее журнал «Plans», положило в основу приматъ духовнаго начала. В самыхъ первыхъ воззваніяхъ «*Ordre nouveau*» было провозглашено: «Сначала духовное, потомъ экономическое, политическое на службѣ экономического и духовнаго». Это рѣзко отличаетъ новыя теченія отъ всѣхъ старыхъ направлений и отъ социалистической партіи, несмотря на социалистическій характеръ программныхъ требованій этихъ теченій. «Troisième force» есть движеніе, вышедшее изъ нѣдръ «Esprit», его глава Изар основалъ «Esprit» вмѣстѣ съ Мунье. Это движеніе хочетъ быть политически активнымъ и даже выставить своихъ кандидатовъ в парламентъ, но исключительно для его взрыва. «Troisième force» не хочетъ оставаться исключительно в кругу интеллигенціи и пытается привлечь и рабочихъ. «Третья сила» стоитъ между социалистами и коммунистами. И отъ социалистовъ, и отъ коммунистовъ она отличается прежде всего признаніемъ духовнаго начала. Изар — католикъ. Это теченіе стоитъ лѣвѣе социалистической партіи, потому что не вѣритъ в эволюцію къ социалистическому строю путемъ парламентской борьбы, сохраняющей принципы формальной демократіи. Отъ коммунизма же его отличаетъ постановка в центрѣ проблемы личности, признаніе духовной жизни, анти-этатизмъ, синдикализмъ и федерализмъ. В исканіяхъ молодой Франціи есть общія черты, объединяющія всѣ теченія, даже когда они между собой ссорятся. Этими чертами французская молодежь отличается отъ молодежи нѣмецкой,

итальянской, русской и ближе к молодежи англійской. Всѣ враждебны матеріализму, скептицизму, безбожію, ищутъ духовныхъ и религіозныхъ основъ новаго социального порядка. Если это не опредѣленные католики или протестанты, то все-таки стоятъ на спиритуальной почвѣ и ничего общаго не имѣютъ с предшественными поколѣніями, воспитанными на позитивизмѣ. Таковъ, напримѣр, преждевременно умершій Дандіе, талантливый авторъ книги «*La révolution nécessaire*», главный идеологъ «*Ordre nouveau*», который не былъ ни католикомъ, ни протестантомъ, хотя передъ смертью, какъ говорятъ, обратился. Всѣ теченія враждебны капитализму, который рассматривается какъ беспорядокъ и анархія и обличается прежде всего в античеловѣческомъ характерѣ. Человѣчность есть очень важная черта французскихъ теченій, отличающая ихъ отъ фашизма и коммунизма. С этимъ связанъ ихъ персонализмъ, признаніе безусловной и верховной цѣнности всякой человѣческой личности. Поэтому молодая Франція ищетъ новаго социального строя, который признаетъ цѣнность и достоинство всякой человѣческой личности, а не только личности, принадлежащей к привилегированнымъ группамъ, обезпечить всякому трудящемуся достойное существованіе. Капитализмъ дегуманизировалъ общество. Но коммунизмъ и фашизмъ продолжаютъ эту дегуманизацию. Интересующія насъ теченія анти-этатичны, они враждебны тотальному государству, в нихъ есть даже нѣкоторый анархическій уклон. Дандіе с сочувствіемъ цитируетъ мѣста изъ Бакунина, в которыхъ тотъ писалъ противъ централизма марксистскаго коммунизма и предсказывалъ его деспотическія послѣдствія. Французскія теченія ближе к традиціи Прудона, чѣмъ к традиціи Маркса, хотя Марксомъ интересуются и изучаютъ марксизмъ. Для изученія марксизма при «Esprit» образована даже особая группа. Всѣ эти теченія защищаютъ в той или иной формѣ корпоративное, синдикалистическое устройство общества, требуютъ корпоративнаго экономического парламента и уничтоженія парламента, основаннаго на господствѣ партій. Французская молодежь интересующихъ насъ духовно-социальныхъ теченій не отрекается отъ свободы, но она порываетъ с формальной, безсодержательной свободой поколѣнія отцовъ, хочетъ свободы духовно обоснованной. Либерализмъ утверждалъ свободу равнодушную къ Истинѣ. Теперь хотятъ обосновать свободу на

Истинѣ. Таковы общія черты современных исканій во Франціи.

Из французских писателей предшествующаго поколѣнія наибольшее вліяніе на молодую Францію сейчас имѣет Ш. Пеги и Л. Блуа, особенно Пеги, который импонирует своим нравственным образом, своим исканіем христіанской правды в социальной жизни. То противоположеніе, которое Ш. Пеги дѣлал между «мистикой» и «политикой», очень подходит к настроеніям лучшей части молодежи, презирающей современную «политику». «Мистика» не имѣет тут традиціоннаго смысла, она означает существенность, правдивость, искренность, «политика» же означает конформизм, лживость, отсутствіе глубины. В этом смыслѣ молодежь хочет «мистики», а не «политики» в социальной жизни. Л. Блуа дорог своей страстной борьбой против буржуазнаго духа, острым обличеніем противоположности между религіей креста и буржуазностью. Бороться нужно не только против буржуазности в социальном смыслѣ, но и против буржуазности в духовном смыслѣ. Буржуазный дух особенно силен во Франціи. И не случайно Л. Блуа явился именно во Франціи. Тип мелкаго буржуа задает тон всей жизни во Франціи. Нѣкогда аристократическая страна обратилась в страну буржуазную по преимуществу. И сопротивленіе французской буржуазіи перерожденію общества вѣроятно будет сильнѣе, чѣм в других странах. Поэтому во Франціи в молодых теченіях постоянно говорят о революціи, понимая под ней революцію духовную и революцію социальную. Иное положеніе в Англии, гдѣ буржуазія утратила силу сопротивленія, и гдѣ, вѣроятно, будет легче осуществить социализм. Центральная сила буржуазной демократіи во Франціи, представленная главным образом радикальной партией с правыми и лѣвыми отгѣнками, разлагается и потеряла нравственный авторитет. Революціонныя настроенія нарастают и слѣва и справа. Но инерція и сопротивленіе буржуазнаго духа очень сильны. Этим буржуазным духом заражены вліятельные и господствующіе правящіе круги католической церкви, и еще болѣе ими заражены старые протестантскіе круги. Но католическая молодежь настроена иначе. Не всѣ молодые являются христіанами, но возрожденіе христіанства все же играет большую, даже опредѣляющую роль в молодых теченіях. Я бы назвал это пробужденіем христіанской совѣсти. Проснувшаяся

христіанская совѣсть требует переоцѣнки по всѣм основным вопросам жизни. Христіанская совѣсть пробуждается, как суд над неправдой капитализма и угнетенія челоѣка челоѣком, как суд над неправдой націонализма, порождающаго войны и истребленіе челоѣка челоѣком. Молодые чувствуют себя французами, но они не націоналисты. Это черта отличная от фашизма, который менѣе всего думает об осуществленіи христіанской правды в жизни. Несмотря на сходство в основных лозунгах молодых группировок, есть, конечно, раздор и взаимобвиненіе, что ослабляет движеніе. Так в настоящее время произошла распря между «Esprit» и «Ordre nouveau», несмотря на сходство в исходных принципах. «Esprit» лѣвѣе «Ordre nouveau», имѣет связи с болѣе лѣвыми кругами и склонно подозрѣвать «Ordre nouveau» в тайном уклонѣ к фашизму, для чего, мнѣ кажется, нѣтъ достаточных оснований. Кроме того «Esprit» видит в «Ordre nouveau» тенденціи к технократіи. «Ordre nouveau» выработало план всеобщей трудовой повинности, схожей с воинской повинностью, которая должна разрѣшить рабочій вопрос, т.-е., сдѣлав всѣх рабочими в годичный період их жизни, уничтожить рабочій класс и пролетаризацію. Этот план заслуживает серьезнаго вниманія. Но тут возможен, конечно, уклон к технократіи, так как во главѣ такой организаціи становятся инженеры — техники. Разногласіе между «Esprit» и «Ordre nouveau» не представляется особенно существенным. «Esprit» теоретичнѣе. Один из главных дѣятелей «Ordre nouveau» Даниель Ропс, тонкій писатель, сотрудничает и в органах болѣе праваго и даже фашистскаго уклона, но это и вызывает возраженія группы «Esprit». Интересно отмѣтить, что старыя лѣвыя революціонныя направленія во Франціи относятся подозрительно и враждебно к новым теченіям. Таково прежде всего отношеніе «Europe», органа симпатизирующаго коммунизму, хотя и не марксистскаго. Его редактор Гюенно возстает против молодых теченій, он не вѣрит их революціонности и даже подозрѣвает их в тайной реакціонности. Причины этого понятны. Гюенно и революціонные литераторы типа «Europe» стоят на почвѣ идей XVIII и XIX в.в., они духовно и идеологически консервативны и защищают старомодную революціонность, они все еще проникнуты «просвѣтитель-

ной» враждой к религии и духу. Принцип духовного начала, да еще примата духовного начала представляется им реакционным и контр-революционным. Никакая революционная социальная программа не спасет от обвинения в реакционности, если вы христианин, католик, или даже просто признаете дух. Совершенно так же смотрят все традиционные радикалы, которые продолжают себя считать «лэвыми» только потому, что они ланцисты, враждебны церкви, позитивисты. Подлинная революция осуществится рождением новых поколений, людей иного духа, людей, признающих дух. Соединение духовности с социальным радикализмом и есть современная революция. Пока она совершается главным образом в кругах интеллигенции. И опасность в том, чтобы движение не осталось замкнутым в интеллектуальном кругу. Движение должно выйти в более широкие социальные круги. Слабость молодых движений, в которой их иногда справедливо упрекают, в том, что слишком мало думают о путях реализации вырабатываемой программы, о приобретении силы. Воля этой молодежи направлена к правде, и идеи их выше идей фашистских и коммунистических, но весь вопрос в том, удастся ли сделать эти идеи силой, направляющей социальную жизнь. Революция может снести их. Старые силы буржуазных партий, как и новые силы фашистские и коммунистические не стесняются в средствах. Как осуществлять, реализовать правду более высокую, пользуясь средствами более чистыми, в этом основная проблема христианского сознания. Эта проблема стоит и перед Молодой Францией.

Николай Бердяев.

Дело Рузвельта

1. Клуб непонимающих

За пятнадцать месяцев со времени первого послания Рузвельта конгрессу, американская литература обогатилась несколькими не лишенными блеска политическими памфлетами. Все же самой ядовитой была сатира не писанная, а живая: «Клуб ничего непонимающих». Его основали враги Рузвельта, которые на своих собраниях обсуждали смятение в настоящем и темный хаос в будущем, порожденные хозяйственными реформами президента. Клуб мог бы безмерно расширить свой состав не только лицами, считающими дело президента и его сотрудников гибельным, но и теми, кто горячо ему сочувствует или, выжидая результатов, пассивно терпит. Обилие «непонимающих» по обе стороны океана объясняется не одной лишь сложностью экономических явлений, затронутых в Америке смелым законодательством и невиданной хозяйственной практикой. Учение «как государство богатеть» было всегда мало доступно не-специалистам, даже в далекие и блаженные времена, когда для его усвоения было достаточно читать Адама Смита. На международной хозяйственной конференции в Лондоне присутствовали не обыватели, а известные всему миру специалисты и ученые. Не без вызова и научного самодовольства они подчеркивали свое полное непонимание действий Рузвельта и в кулуарах в качестве единственной гипотезы, объясняющей противоречия в посланиях президента, выдвигали его «фантастическое невежество» в экономической науке.

Было бы несправедливо отнести к упорному «непониманию» как к приему борьбы враждующих социальных сил, или рассматривать его как столкновение двух школ, полностью друг друга исключаящих. Ведь, своеобразие практики Рузвельта в том и заключается, что ее никак не уложить в теоретически оформленную систему. Причина «непонимания» гораздо глубже. Она связана с некоторыми специфическими особенностями на-

уки о народном хозяйствѣ. Экономическая наука родилась полтора вѣка тому назад на зарѣ эпохи предѣльно свободнаго хозяйстваванія. Случайность рожденія обусловила основныя предпосылки новаго ученія, а его дальнѣйшее теоретическое развитіе было отраженіем в отчетливо формулированных «экономических законах» производственнаго развертыванія, единственнаго и неповторимаго в исторіи вѣка. У своих истоков этот чудесный вѣк примыкал к хозяйству замкнутых цехов и гильдій, а закончился на глазах наших отцов связанным хозяйством трестов, картелей, государственных и синдикальных монополій. За этот короткій період из всѣх стихій было извлечено больше могущества, чѣм за все время существованія человѣка на землѣ. Бурное матеріальное преображеніе міра в девятнадцатом вѣкѣ принято приписывать концентраціи производственных сил. Концентрація была лишь слѣдствіем экономической свободы — хозяйстваванія безогляднаго и безпощаднаго. В ничѣм не ограниченном соревнованіи стремительно возносилось вверх все крѣпкое, творящее, для даннаго момента рентабельно оправданное. Цѣлые хозяйственные организмы и социальныя пласты обрекались на гибель, нищету и вырожденіе, если труд их давал менѣе продуктивныя результаты, чѣм труд болѣе удачливых соперников. Капитал в сочетаніи с дарованіем приобрѣл необычайную подвижность: любое мѣсто на земном шарѣ, гдѣ предчувствовалось пробужденіе новых сил, стихійно его привлекало. В пору своей цвѣтущей юности этот недолговѣчный строй искал таланты и в них нуждался. Из жизни устранялось все, что мѣшает свободному соревнованію и выявленію индивидуальных способностей: привилегіи рожденія, касты; скептицизм разъѣдал вяжущую власть традицій и авторитетов. Исканіе было провозглашено высшей формой любви к человѣку — ничѣм не стѣсненное, всепроникающее точное изслѣдованіе; а высшей доблестью — рекорд, — преодоленіе в безудержном соревнованіи. Из всѣх хозяйственных систем становленіе индустриальнаго капитализма было наиболѣе родственно процессам, происходящим в живой природѣ и открытым в этом же вѣкѣ: борьба за существованіе и выживанію приспособленных на трупах ослабѣвших или обойденных неблагоприятным сочетаніем вѣтвистых условий. Освоеніе этих, тогда еще оголенных,

не осложненных дальнѣйшими изслѣдованіями истин оказало влияніе не только на матеріалистическую философію и этику, но и на формулированіе законов хозяйственнаго развитія. Именно тогда со всей отчетливостью было обосновано свойство капиталистическаго хозяйства регулироваться автоматически при помощи чудеснаго и незыблемаго во времени механизма свободнаго цѣнообразованія на рынкѣ, созданнаго борьбой экономических сил. Были научно освящены законы о рентѣ, о неизбѣжных, саморазсасывающихся, заранѣе предвидимых кризисах, необходимых для періодическаго устраненія накопившихся в хозяйствѣ диспропорцій. Вѣрили, что, подобно законам биологій, и эти «законы» имѣют универсальное и вѣчное значеніе. Историческая перспектива придаст XIX вѣку особую колоритность, и нашим потомкам он будет казаться самой яркой, самой сказочной из всѣх эпох европейской культуры.

Соединенные Штаты послѣ междоусобной войны сразу перешли от хозяйства рабовладѣльческаго к эпохѣ зрѣлаго капитализма. В свѣжей, дѣвственной средѣ, не знавшей европейскаго устоявшагося и организованнаго ремесла, капиталистическая система проявила невиданный творческій размах, но быстро гипертрофировалась и отяжелѣла: было время, когда тресты и картели считались явленіем нездоровым, вызванным специфически американскими условіями. Но именно в Америкѣ монопольныя тенденціи в хозяйствѣ вызвали наибольшее возмущеніе и наиболѣе дѣйственные протесты. Соединенные Штаты были тогда не только страной трестов, но и страной пионеров и психологій масс были близки идеи классической либеральной школы во всей их первобытной свѣжести, в то время, как в Европѣ онѣ давно были сужены и обезкрылены работами Ф. Листа, австрійской школы и других. Лозунгом, давшим Теодору Рузвельту президентскій пост (1901 г.), было обѣщаніе «взорвать тресты». Сколько пламенной вѣры в цѣлительную силу освѣжающаго вѣтра свободной конкуренціи, сколько наивных аргументов из арсенала Бастіа было в его предвыборных рѣчах. В отвѣтъ — буря восторга и званіе любимца народа. Тенденціи треста казались социальной патологіей, грозящей естественному порядку вещей и праву каждаго созидать свое счастье. Очень скоро выяснилось, что уничто-

жить тресты невозможно. «Теодор Рузвельт, пишет теперь Франклин Рузвельт, пытался передвинуть назад часы истории. Это оказалось невозможным». Законодательство против трестов выродилось в бессильное дѣленіе их на «хорошіе» и «дурные», при чем «дурные» тресты путем несложных формальностей обходили всѣ чинимыя им затрудненія.

За время, протекшее между избраніем Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта, часы истории все ускоряли свой ход. Наканунѣ войны почти вся крупная промышленность Соединенных Штатов была подѣлена между шестьюстами гигантскими концернами. Послѣ войны и великой технической революціи на-двигался уже третій період: измѣненіе во внутренней структурѣ самых трестов и их хозяйственное окостенѣніе. Разразилась катастрофа 1929 года. Кризис охватил весь мір и не разсасы-вался в предуказанное наукой время и предусмотрѣнными ею путями. Создалось положеніе, при котором в сякое немед-ленное дѣйствіе спасительнѣе самаго мудраго выжиданія. Наука о народном хозяйствѣ, взращенная в эпоху далеко унесенную временем, была бессильна теоретически оформить новый мір. Ея лучшіе представители искренне не понимают дѣла Франкли-на Рузвельта и его революціонных совѣтников. Ни науку, ни ея служителей нельзя за это осуждать. Их давно и навсегда защитил Гегель. «Философія и без того всегда приходит слиш-ком поздно, чтобы сказать свое слово наставленія о том, ка-ким должен быть мір. Как мысль міра, она появляется лишь в такое время, когда дѣйствительность уже завершила процесс своего образованія и приняла законченныя формы... Когда фи-лософія рисует сѣрым по сѣрому свою картину, форма жизни уже состарилась, и «сѣрым по сѣрому» ея нельзя омолодить, а только лишь познать; только в сумерках сова Минервы начи-нает свой полет»...

Поколѣнію, живущему на рубежѣ двух бесконечно чуж-дых друг другу эпох, суждено видѣть все великолѣпіе заката прошлаго и лишь прерывистыя зарницы будущаго. Не потому ли с такой изумительной отчетливостью воспринимается сей-час сокровенный смысл міра, себя исчерпавшаго и погружаю-щагося в небытіе? И только для него сумеречная птица мудро-сти начала свой запоздадый, свой медлительный полет.

Теодор Рузвельт сражался с трестами с запальчивостью партизана и переоцѣнил значеніе моральной правоты, как ору-жія в хозяйственной борьбѣ. Теоретически он защищал ущерб-ленные блага рыночной конкуренціи. Европейскіе политико-экономы, придерживавшіеся тѣх же взглядов на цѣлительное значеніе свободного цѣнообразованія, тѣм не менѣе Теодора Рузвельта тогда не поддержали. Его наивный наскок нарушал еще болѣе глубокое и неукоснительное представленіе об огра-ниченности человѣческой воли в хозяйственных процессах: вѣдь, нигдѣ идеалистическій порыв Дон-Кихота не приносит столько реальных бѣдствій и опустошеній, как в области эконо-мической.

Теодор Рузвельт воевал с трестами «горизонтальными». Они объединяли предприятия, добывавшія или производившія одни и тѣ же продукты, и кульминаціей их стремленій была власть над рынком. Этот трест идиллическаго времени сохра-нял большую хозяйственную гибкость. Соотношеніе подвижной части его достоянія (оборотный капитал) и части связанной (основной капитал) было нормальным для свободного маневри-рованія и допускало широкое приспособленіе к запросам рын-ка. Можно было выключать из производства отдѣльные цехи или цѣлыя фабрики, уменьшать количество сырья на складах или наполнять их запасами готовых издѣлій. Разбухшій произ-водственный комплекс измѣнил лишь отношеніе производителя к потребителю. Внутренняя, чисто техническая структура оста-валась прежней. Этот былой американскій горизонтальный трест В. Зомбарт назвал «типичнѣйшим проявленіем поздняго капи-тализма».

Так было до технической революціи. Как всѣ великія ре-волюціи, подготовлялась она исподволь, и никто не вѣдал ча-са ея прихода. Первые осознанныя проявленія происшедших глубоких перемѣн относят теперь к 1924 году. Датой рожде-нія новой промышленности, в дѣйствительности слѣдует счи-тать 1915-1916 г.г., когда Соединенные Штаты превратились в грандіозную мастерскую для воюющих народов. Чудесный ме-ханизм рынка был насильственно пріостановлен и потерял вся-

кую власть над производством. Из всѣх стран противогерманской коалиціи и из нейтральных стран по порученію коалиціи германской лился непрерывный поток заказов и золота. Все добываемое и изготовляемое человеком было необходимо на неопредѣленный срок и в неопредѣленно большом количествѣ. Все закупалось вперед, «на корню» — совершенно независимо от стоимости. Премировалась лишь скорость выпуска издѣлій. Тогда-то и создались условия для искусственно ускореннаго, завершающаго порыва давно намѣтившихся тенденцій.

Основным принципом завода-робота, его душой — является внутреннее движеніе добываемаго или обрабатываемаго продукта. Оно дано, как слѣдствіе из свойств матеріала и требуемаго конечнаго его видоизмѣненія. Движеніе это раз навсегда задано: его можно замедлить или ускорить, но нельзя измѣнить волею руководителей предприятия. Подобно циркулирующей крови в живом организмѣ, этим неукоснительным движеніем опредѣляются всѣ функции и все строеніе новой промышленности. Им диктуется организационная схема и ему же подчинены техническая и административная стороны предприятия. Трактор, пушка, вагон, снаряд, автомобиль, плуг, станок, паровоз, ткань, башмак — подвергаются скрупулезно-тщательному изученію со стороны свойств матеріала и количества времени нужных для его обработки и сборки. На основаніи этих данных и предъявляемых потребителем требованій вырабатывается «нормальный», «серійный» тип массоваго изготовленія. Затѣм при участіи конструкторов и рабочих высшей квалификации разрѣшается самая трудная и сложная задача: все изготовленіе разбивается на операціи, непосредственно слѣдующія друг за другом и отнимающія приблизительно одинаковое время. В этот опредѣленный промежуток времени должны уложиться вращеніе каждаго из станков или движенія каждаго рабочаго. Львиная доля таланта, ума, опыта и капитала поглощается теперь не самым процессом производства, как было в эпоху «горизонтальных» трестов, а созданіем готовности к производству в огромном масштабѣ. Несказанно измѣнился самый вид производственных агрегатов. Картины Менцеля безнадежно устарѣли.

Длинный свѣтлый зал. Чистыя кафельныя стѣны с двумя

ярусами чугунных дисков — передних частей замурованных котлов. Выше этажом монотонное гудѣнье мельниц, расплывающихся уголь и автоматически направляющих его в топки. Зал пуст и тих. Ни лязга топочных дверей, ни скрежета лопат. Исчезли полуголые кочегары и подкатчики, съдаемые угольной пылью, покрытые ѣдким потом у адскаго пламени топочных отверстій. Огромной установкой, гдѣ освобождается энергія для всего завода, вѣдает только один человек. У его стола мраморная доска с измѣрителями. Под ними маленькіе рычаги — вожжи от всѣх процессов внѣ и внутри котлов.

Машинное отдѣленіе. Нарядный огромный зал со стеклянным потолком. Десять турбогенераторов. Блестят счетчики, тихо передвигаются под стеклами стрѣлки. Об исполнинской мощности, развиваемой машинами, можно судить лишь по вибраціи всего зданія от фундамента до крыши. В этом обширном и пустынном помещеніи человека приходится разыскивать.

Автоматическіе станки, выполняющіе множество разнообразных операцій в положенное число секунд с точностью, вызывающей суевѣрный страх у старых мастеров «плоднаго капитализма». Эти станки непрерывно втягивают металлическія штанги и непрерывно выплывают на бѣгущую ленту сложнѣйшія, уже свинченныя, части машин.

Вот как описывает конечное, сборочное, отдѣленіе завода-робота молодой американскій профессор, нынѣ один из сотрудников Франклина Рузвельта. «Вы чувствуете могучій толчок, вызывающій отвѣтный гул бетона, стали и стекла, из которых построена мастерская. Это передвинулась лента — и одновременно тысячи рук поднялись, сдѣлали иѣсколькими точно размѣренных движеній и на секунду замерли неподвижно. Снова толчок, снова взвываетъ лѣс рук, стук гаечных ключей, взвизгиваніе ручных станков — и секундный мертвый интервал. И так каждыя 20 секунд. Мастерская работает как дирижируемый оркестр, и, когда я закрывал глаза и прислушивался, я улавливал ритм своеобразнѣйшаго музыкальнаго произведенія неслыханной мощи».

Заводу-роботу необходима непрерывная подача сырья или полуфабрикатов, как непрерывен выпуск его издѣлій. Система складов устарѣла. Нужны собственныя шахты и контролируе-

мый заводом же транспорт. Народился «вертикальный трест», охвативший и спаявший замкнутым в себя движением все производство — от добычи руды до выпуска автомобиля.

Новая промышленность совершила три чуда: она может в кратчайший срок обути, одеть, снабдить инструментами или средствами передвижения неисчислимые людские массы или вооружить на земле всех, кто способен носить оружие. При очень высокой заработной плате ее «серийная», «стандартная» издѣля стоят баснословно дешево. Наконец, совершенно реальная очертанія приняла тенденція избавить человека от труда, обойтись минимумом физических усилий, количественно уменьшить и качественно неузнаваемо деформировать рабочий класс «сверхпозднего капитализма». И все три чуда, еще до конца не реализованные в хозяйственной жизни, принесли неслыханные бѣдствия нашей эпохи.

Завод-робот отбрасывает множество причудливых тѣней, и, несмотря на сверхновизну, в нем бродят призраки, как в старом феодальном замкѣ. Густая тѣнь ложится от него в бухгалтерских книгах. Запись расходов на заработную плату необычайно сжалась. Зато чудовищно выросли затраты на основное устройство. Для их покрытия неизбежны займы. По займам надо платить проценты. Находится ли завод на полном ходу, работает ли замедленным темпом или стоит, — на расходах это мало сказывается. В противоположность расходным сметам заводов «позднего капитализма», львиная доля издержек падает не на самый процесс производства, а на оплату потенциального могущества, дремлющего в машинах — звеньях производственной цепи. Это цепь готовности в благоприятный момент, когда цепь производства придет в ритмическое движение, выбрасывать исполинское количество дешевых и прекрасно сработанных издѣлий. Самое парадоксальное — в том, что такой завод мог бы работать и тогда, когда не кому его издѣлия покупать: относительный рост убытков не стал бы значительным. Тѣни, окружающія завод-робот со дня его рождения, постепенно все множатся. Появляются тѣни тѣней в банках, переучитывающих и скупающих заемные обязательства. Солнце конъюнктуры то удлиняет их, то укорачивает: в царствѣ тѣней все

зыблемо, шатко и измѣнчиво. Тѣм не менее тѣни повелѣвают конкретно творящими реальностями и по закону почитаются их господами. В наши критические дни власть тѣней сказалась главным образом в том, что онѣ останавливали заводы. Привести их снова в движение онѣ сейчас совершенно бессильны.

Завод-робот должен обеспечить себя постоянный и массовый сбыт. Без такой возможности не оправдана самая его специфичность, и этим он отличается от своего предка — завода дореволюционного. Он не может обойтись без могущественного монопольного объединения по сбыту. Тѣ, кто спорит о возможности подчинить хозяйственные процессы плану, часто не догадываются, что давно уже ведущие верхи индустрии добровольно приняли, если не план, то «устав», в принципѣ от плана мало отличающийся. Только хозяйственным назвать его никак нельзя. Уставы американских монопольных синдикатов весьма мало озабочены интересами потребителя. Многие считают это зло неизбежным. Но синдикатам чужды и интересы прогрессирующего производства. Распредѣляя рынок, они в удѣльном вѣсѣ промышленного предприятия игнорируют его производственный уровень. Завод отсталый, работающий плохо и дорого, но имѣющій банковскую опору, получает бѣльший контингент, чѣм новѣйшій завод-робот. Когда падающая емкость рынка диктует необходимость уменьшить производство, останавливают заводы рационализированные и одновременно пристраивают ненужные цехи в запущенном заводѣ исключительно для того, чтобы оправдать формальное право на бѣльший выпуск издѣлий. При реализаціи «плана» рѣшающее влияние оказывают моменты, ничего общаго с интересами хозяйства не имѣющіе. Синдикат строится как бы на вѣчные времена. Особая потомственная привилегія имѣют «собиратели» синдиката. От договоров монопольных объединений вѣет духом средневѣковых хартій, между ющих домены феодальных властителей и их потомков. Свобода маневрированья этих неуклюжих промышленных армий крайне сужена. Под грозью кризиса онѣ костенеют, застывая мертвой неподвижной глыбой.

3. Франклин Рузвельт смотрит вперед

«Looking forward» зовется книга Франклина Рузвельта, гдѣ собраны его рѣчи и статьи, имѣющія принципиальное значеніе. Написанная с исключительной ясностью, она посвящена экономическим и политическим вопросам, интересующим население Соединенных Штатов. В ней неизбежно затронуты и всѣ большыя проблемы современности. Тѣм не менѣе совершенно немислимо формулировать по ней мировоззрѣніе президента. У Рузвельта нѣтъ заранее заданной, теоретически выношенной точки зрѣнія на людей, учреждения и событія. Нѣтъ ничего легче, как уличить Рузвельта в теоретических прорѣхах, противорѣчіях, наивности или в том, что им прочитаны не всѣ основные труды по вопросам, о которых он высказывается. Не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что любой посредственный политическій или экономическій обозрѣватель европейскаго журнала прочел по своей специальности гораздо больше книг. И все же статьи Рузвельта обладают особой убѣдительностью, и понятен их исключительный успѣх у американскаго читателя. Франклин Рузвельт, дѣйствительно, смотрит вперед. Над ним не тяготѣют ни теорія, ни политическая традиція. Словно вновь созданному человѣку показан старый міръ и разрѣшено снять с вещей их обветшалыя названія и дать им новыя имена, как их подскажет здравый смысл и ничѣм не заслоненные, широко открытые глаза. В этом, пожалуй, есть и «традиція» специфически американской свѣжести и непосредственности, еще не сломленной пионерской вѣры в творческую власть человѣка над отведенной ему дѣвственной землей.

Преобразовательныя идеи Рузвельта принадлежат не ему одному. Онѣ разрабатывались группой молодых ученых. Разрабатывались с научной тщательностью, но и со страстью, невозможной, напримѣр, у нѣмецкаго ученаго. Чрезвычайно характерно, что истоки научной подготовки друзей и соратников Рузвельта восходят не к теоретическим кафедрам политической экономіи, а к особому типу «экономических лабораторій» — конъюнктурным институтам. Главная работа американских институтов, в отличіе от европейских, сводилась к

практической проблемѣ предвидѣнія, а не к теоретическому изученію вопросов конъюнктуры. Вначалѣ конъюнктурные институты обслуживали практическія потребности дѣловаго человѣка. Экономическая жизнь усложнилась, и становилось все рискованнѣе руководствоваться «дѣловым чутьем» или «дѣловым опытом». Необходим был нѣкій объективно-научный показатель, «барометр» или «компас», как его называли в Америкѣ. Наиболѣе научные из этих барометров имѣют в своей основѣ разработку современными математико-статистическими методами огромнаго цифроваго матеріала. До кризиса научное первенство принадлежало барометрам Гарвардскаго (Кембридж в Массачузетсѣ) и Колумбійскаго университетов. Барометры давали правильныя предсказанія до 1925 года, когда кривая товарнаго рынка вдруг нарушила причинную послѣдовательность: несмотря на движеніе вверх кривой фондоваго рынка, кривая товарнаго рынка за ней не послѣдовала, а до конца года оставалась на мѣстѣ, чтобы потом начать понижаться. Торгово-промышленная дѣятельность процвѣтала, царило полное благополучіе и получался таинственный парадокс хозяйственнаго подъема при падающих товарных цѣнах. В нѣмецкой литературѣ усмотрѣли в этой неувязкѣ банкротство американских выводов на основаніи эмпирически наблюденных правильностей. Доктор Е. Альтшуль писал (в «Магазин дер Виртшафт» за 1927 год), что здѣсь кроется мѣсть экономической теоріи, которой пренебрегли. Теперь мы знаем, что барометр с изумительной чуткостью уловил зарожденіе урагана за четыре года до его опустошительнаго налета, но тогда эта загадка заставила молодых ученых заняться самыми основами хозяйственнаго бытія, подойти к ним с новыми конкретными методами. За годы кризиса, в удушающей безысходности изслѣдователи еще болѣе осмѣляли и пришли к открытому бунту: они не хотят больше регистрировать и предвидѣть хозяйственныя явленія, они хотят насильственно на них воздѣйствовать.

Внимательное изученіе идей Рузвельта и его окруженія вскрывает еще один источник их зарожденія — работы технократов. Планы технократов слишком радикальны, а иногда фантастичны, и ни Рузвельт, ни его сотрудники по тактическим соображеніям ссылаться на них не будут. Технократы утвер-

ждали, что техническая революция ведет к необычайному удешевлению и улучшению жизни, но она же вытѣсняет человека из производства. Человек будет все больше «освобождаться от физического труда» и тѣм самым от возможности покупать изделия новой промышленности. Нынѣшнія арміи безработных лишь в нѣкоторой части своей порождены кризисом. Англія с 1921 года имѣет постоянный, мало мѣняющийся кадр безработных. Это люди без всяких надежд: они навсегда вытѣснены из промышленности. Пропасть между производством и потреблением будет все углубляться, и в ней погибнет не только социальный строй, но и человеческая культура. Единственным спасением, по мнѣнію технократов, является непрерывное уменьшение трудового дня для каждого отдѣльнаго рабочаго с тѣм, чтобы число работающих непрерывно же возрастало. Если рабочій будет получать свой прожиточный минимум даже при двух-часовом рабочем днѣ — это не разорит, а обогатит народное хозяйство, так как тогда не будет безработных, существованіе каждаго будет оправдано и одновременно создан неисчерпаемый кадр потребителей товаров. Рузвельтовскій «код» предусматривает и неукоснительно проводит в жизнь идею уменьшенія трудовых часов и увеличенія количества рабочих. Проводит, правда, в очень смягченной формѣ, приспособляясь к мѣстным условіям. Для деревень уровень заработной платы и часы работы иные, чѣм для больших городов, различны они для западных штатов и восточных. Происходящія сейчас забастовки вызваны тенденціей рабочих требовать единого «кода» для всѣх Соединенных Штатов. В данном случаѣ Рузвельту приходится бороться с радикализацией его собственных начинаній.

Наконец, Рузвельт ищет опоры в прошлом, и этот послѣдній источник вдохновенія для него лично наиболѣе характерен. «Три государственных мужа в нашей исторіи выдѣляются универсальностью своих идей и своими познаніями — это Вѣнiamин Франклин, Томас Джефферсон и Теодор Рузвельт. Всѣ они были культурнѣйшими людьми в лучшем смыслѣ этого слова, и все же никто так, как они, не понимал страданій, нужды, надежд и опасеній миллионов своих сограждан. Джефферсон, по моему мнѣнію, мыслил глубже всѣх трех. Это был че-

ловѣк, который видѣл дальше всѣх и всегда знал, как скажутся мѣропріятія сегодняшняго дня на далеком будущем».

Джефферсон, подобно Вашингтону, был вымершим послѣдствіем в Соединенных Штатах представителем абсолютно независимой политики. Для него государственная дѣятельность являлась служеніем идеѣ им лично выношенной. Он был демократом в лучшем смыслѣ этого слова и боялся, что демократію загубит городская чернь, вооруженная избирательным бюллетенем. Только крестьянство, владѣющее землей, есть подлинная опора демократіи. Он боролся всѣми доступными ему средствами с преувеличенным значеніем городского торгового класса и его вліяніем на государственныя дѣла и проповѣдывал пуританскую честность в политикѣ: можно всю жизнь заниматься политикой и уйти в могилу без малѣйшаго грязнаго пятна. Джефферсона избрал своим идеалом Рузвельт.

Ни один диктатор не имѣет в своем распоряженіи таких полномочій и таких неограниченных средств, как Рузвельт. Они получены им законнѣйшим путем без разгона или смѣны парламента, без опоры на чернь и без похода на Вашингтон. Это единственный в исторіи случай послѣ Ликурга и Солона, когда первому чиновнику страны народ поручает произвести революцію. Ибо то, что намѣрен сдѣлать Рузвельт и что частично им проведено в жизнь, является несомнѣнным социальным переворотом. Как всякій социальный переворот, он характеризуется своей безповоротностью. Удастся ли опыт Рузвельта или нѣтъ, вернуться к исходному положенію послѣ всѣх происшедших измѣненій не будет никакой возможности.

Первоначальная программа National Industrial Recovery Act'a может быть сведена к слѣдующим шести основным положеніям: изгнаніе тѣней из промышленности путем рѣзкаго уменьшенія ея реальной задолженности помощью искусственной инфляціи; вливаніе новых средств в остановившіеся заводы непосредственно государством или через банки; повышеніе товарных цѣн импульсом той же инфляціи; увеличеніе покупательной способности населенія повышеніем заработной платы и созданіем общественных работ в огромном масштабѣ; временное уменьшеніе предложенія товаров при помощи огради-тельных пошлин и сдачи на консервацию отсталых предпріятіи;

уменьшение часов труда при одновременном увеличении числа рабочих.

Ровно год тому назад конгресс отпустил в распоряжение президента для проведения в жизнь его программы 3,3 миллиарда долларов. С тех пор множество заводов снова пришло в движение. Заводы остались во владении прежних собственников, главным образом банков — обладателей контрольных пакетов; но государство, влив новые средства и вдохнув жизнь в омертвевшие предприятия, сделало как бы соприемником прежних бессильных владельцев. Патологически уродливое плановое хозяйство трестов, картелей и синдикатов стало медленно оздоравливаться. Было бы легкомысленнейшей утопией верить, что столь решительное вмешательство государства будет встречено без сопротивления или не будет сопровождаться неудачами. Следует, однако, отметить, что враждебные социальные силы сопротивлялись решительно. У «сверхпозднего капитализма» не хватило сердца для решительной борьбы.

В еще более трудном вопросе заработной платы достигнуты несомненные успехи. Экономическая теория уделяла до сих пор очень мало внимания роли заработной платы, как регулятора потребления. Впервые заработная плата перестала быть только компенсацией за труд, а сделалась мерилом возможностей сбыта для промышленности.

Крестьянство западных штатов, обремененное долгами, требовало немедленного воздействия, грозя чисто политическими осложнениями. Резкое падение доллара облегчало бремя крестьянских ипотек, но оно же осложняло и тормазило попытки повысить реальную заработную плату для сельских рабочих. Безработица за истекший год уменьшилась на один миллион.

Прошел всего только один год. Ошиблись те, что ждали от «эксперимента» Рузвельта немедленной катастрофы, особенно в области денежного обращения. Ошиблись и те, что мечтали ускорить преодоление кризиса для возврата на прежние позиции. Новые, последние планы Рузвельта сводятся к изменению социального уклада страны. Этим планам и отклику на них населения следует посвятить отдельную статью.

А. Савельев.

Идеи и жизнь

МОЛОДАЯ АНГЛИЯ

Наши газеты много занимаются английским фашизмом и английским коммунизмом, несмотря на подчеркиваемый ими легкомысленный характер того и другого. Но движения серьезные, свидетельствующие о воле к социальному обновлению, обходятся молчанием. А между тем вся Англия охвачена социальным безпокойством и исканиями; люди готовы отказаться от многих вещей, казавшихся незыблемыми и строить новую жизнь. Поскольку это умонастроение проявляется в самом сердце старой, консервативной Англии, в церкви, в аристократии, оно может быть названо движением национального покаяния. Но молодежь, освобождающаяся от традиций прошлого, готова броситься в вилодушную, идеальную революцию. Так как классовая борьба в Англии в настоящее время почти не говорит о себе, то революционное настроение — слабое среди рабочих, сильное среди интеллигенции — приобретает розовую окраску. Оно во многом напоминает предреволюционные настроения интеллигенции русской — с той существенной разницей, что перед английской нет жестокой стены власти, о которую разбивались усилия поколений. Государство пластично, и борьба идет покамест с предрасудками — буржуазно-либерального мирозерцания.

Сегодня нам хотелось бы остановиться на одном органе, и связанном с ним движении, молодой Англии, который мы считаем нам дружественным и готовы назвать английским «Esprit». Журнал «New Britain» и сам считает себя близким к «Esprit» и ищет связей с другими близкими течениями в Европе. Это еженедельник, иллюстрированный, очень дешевый (два пенса), очень боевой, предназначенный для массового распространения. Расходясь в десятках тысяч экземпляров, пользуясь широкой рекламой, самой внешностью своею отражая технический динамизм века, «New Britain» имеет возможность стать одним из центров массового движения. Для теоретической работы издается трехмесячный журнал того же наименования.

В «New Britain» пишет молодежь, большей частью не имеющая литературного имени. Из более известных имен назовем в философии Mac Murgay, в экономикѣ Soddy, в политикѣ Oriver Baldwin. Много внимания уделяется вопросам искусства. Но главное место отдается политикѣ и экономикѣ. Еженедельные обзоры того, что со-

вершается в мирѣ и в Англии, трепещут морально-облагороженной страстью. Их критика радикальна и непримирима, порою несправедлива, но всегда безукоризненна по своей этической ориентации. Английским патриотам можно простить то, что они считают британское правительство самым глупым, а то и самым подлым в мирѣ. Каждый революционер обязан занимать такую позицию по отношению к своему домашнему злу. Но их английский — виноват, британский патриотизм (в Англии это строго различается: ср. великорусский и российский) — принимает характер настоящего мессіанства. Британія призвана рѣшить социальный вопрос нашего времени и вести за собою народы. Разумѣется, этот патриотизм совершенно безкорыстен и свободен от всяких забот об имперской политикѣ Англии. В этой области царствует самый розовый оптимизм: все устроится. Но капитализм и парламентская система Англии вызывают жестокую критику. Провозглашается лозунг полной социальной и политической революции — о, конечно, благородной и безкровной. Ключ к рѣшенію экономической проблемы, как и вездѣ в англо-саксонском мирѣ, ищут в новой денежной системѣ. У каждой английской партіи или группы есть свой монетный реформатор. У «New Britain» это проф. Содди. Не останавливаясь на его теоріи, скажу, что практическим выводом из нея является разрыв обязательной связи между трудом и распределеніем. В вѣк «изобилія» товары могут раздаваться даром. Каждый человек, а не только трудящийся имѣет право на минимум благ. Трудовые процессы ведутся профессиональными корпораціями. Государство организовано по принципу тройственного раздѣленія функций: парламент политической, парламент экономической, парламент культурный. Характерно для Англии, что нео-британцы, ломая всю социальную жизнь, не посягают на права короля. Ему они обѣщают даже расширение его прерогатив.

«New Britain» отдѣляет от фашизма страстная защита личной свободы. В сущности, идея освобожденія, а не только порядка является движущей силой молодой Англии: освобожденія от традицій и предразсудков викторіанскаго вѣка. В сущности, Англія переживает впервые свои шестидесятые годы, мѣряя русским временем, или 40-е, по французским часам.

С коммунизмом сводятся теоретическіе счеты. В идеології все обстоит благополучно. На практикѣ, как в старой Россіи, дѣйствует принцип предреволюціонных эпох: нѣтъ врагов налѣво. Отсюда осторожное или прямо сочувственное отношеніе к странѣ революціи, к Россіи, terra incognita для всѣх, даже культурных, англичан. О марксизм много говорят и спорят. Как и во Франціи, это не заплесневѣлая, а совершенно свѣжая тема. Но защитники марксизма, вродѣ Миддлтона Мерри, дают ему почти идеалистическую формулировку.

Дѣйствительно, «New Britain» строит свою политику на основѣ духа. Несвязанное никаким вѣроисповѣдным credo, оно утверждает

примать религиознаго міровоззрѣнія. Но как ни близко порою оно подходит к христіанству, есть в общем тонѣ и настроеніи журнала — не в богословских идеях, которым здѣсь нѣтъ мѣста — нѣчто такое, что плохо совмѣстимо с христіанством. Основной его пафос — радостное самоутвержденіе личности и вѣра в легкое торжество добра. Этот столь распространенный в Англии духовный поток (покойный Лоренс был его выразителем) рождается в оппозиціи к пуританскому христіанству и легко переходит в мистическій паганизм. Во всяком случаѣ новая религиозность не знает грѣха и искупленія. В этом ее порок, который неизбежно оборачивается в политической сферѣ нечувствіем суровых реальностей жизни. Политика «New Britain» безтрагична и утопична. Она сама не знает, как ребенок, той силы зла, на борьбу с которой она возстала. Увы, островное счастье Англии не избавит ее от горькой чашки, которую льет мир. Классовая борьба неизбежно разобьет ее великодушную идиллію. Тогда революція предстанет в своем настоящем, жестоком обликѣ, и для рыцарей духа это будет тяжелым испытаніем их вѣры.

Г. Федотов.

ПЛАН ТРУДА

Как ни смутна наша переходная эпоха, можно все же установить основныя нужды ея, ищущія удовлетворенія. Эгоистическое своеволие, личное и групповое, смѣняется служеніем общему благу, утрированный индивидуализм — солидарностью.

В сферѣ экономической — переход от хозяйства, основаннаго на стяжательных инстинктах, к хозяйству, управляемому в интересах націи.

В сферѣ политической — установленіе власти, достаточно сильной, чтобы справиться с групповым своекорыстіем (в особенности — с финансовыми и промышленными феодалами) и способной произвести необходимыя преобразованія.

Но процесс этот сопровождается губительными явленіями, при- нуждающими говорить о подлинной культурно-правовой катастрофѣ. Своего рода паразитическіе комплексы искажают порыв к должным перемѣнам. Навязчивыя идеи обожествленія государства или расы знаменуют поправленіе личности и высших духовных цѣнностей. Со всей яростью темнаго фанатизма, народы направляются, полным ходом, в туники — во имя идей, органически не связанных с основными потребностями нашего времени, но обладающих громадной паразитической силой, объясненіе которой надо искать преимущественно в «трамвѣ» великой войны. Надежда на спасеніе — в страхах, спо-

собных создать новый уклад, не впадая при этом ни в какую одержимость.

В прошлом номере «Нового Града» я посвятил статью нео-социализму, намечающему пути к социально-политическому преобразованию Франции.

Нынешняя статья, в большей своей части, посвящена бельгийской преобразовательной попытке, борьба за которую развертывается перед нашими глазами в маленькой стране, нерядко оказывавшейся своего рода показательной лабораторией Европы.

Бельгийская политическая жизнь значительно отличается от французской. Имется лишь три больших партии: католическая, рабочая (социалистическая) и либеральная, которая гораздо слабее первых двух. Кабинеты отличаются устойчивостью, сменяются редко. Коалиция католиков и либералов, правящая страной, чужда мысли о глубоких реформах и отсиживается на охранительных позициях. Дело, однако, не так просто, так как мощная католическая партия потрясается резкой внутренней борьбой. Католические рабочие синдикаты и молодежь охвачены стремлением к решительным переменам, хотя и не имеют четкой, осознанной цели. С другой стороны, недавний министерский кризис вызван в значительной степени «младо-либералами», требующими «управляемого» хозяйства. Показателен громкий отклик, который сразу же получили выступления Брокаерта. Еще недавно лояльный член католической партии, сенатор, б. батонье, б. министр, Брокаерт внезапно начал в прошлом году бурную кампанию против злоупотреблений «гипер-капитализма», против вмешательства финансовых кругов в политику.

Найти новые пути доведется, быть может, бельгийской рабочей партии. Скажу, кстати, что название ее — отвечает действительности. В нее входят профессиональные союзы и рабочие кооперативы, и она насчитывает около 600.000 членов: громадное целое, обслуживаемое своими кооперативами, просвительными учреждениями, спортивными организациями, которыми бельгийские рабочие немало гордятся. Но за последние годы стала как будто ослабевать душа, оживлявшая это, на бельгийский масштаб, гигантское тело. Как и повсюду, социалистическое движение уперлось в тупик. Далекие цели тускнеют, а повседневная работа, за последнее время неблагоприятная и зачастую неудачная, не дает воодушевления.

Рост недовольства сказался в усилении, особенно молодежью, левых крыла партии, подавшагося власти крайних лозунгов, призывов к революционной борьбе, к бесплодным потрясениям, что могло привести лишь к изоляции рабочего класса и усилению правых настроений в стране. Господствовавшее реформистское крыло партии, в ответ, усугубляло мелкотравчатость своей политики, давая подчас левым словесное удовлетворение.

В результате всего этого — топтанье на месте, обезкураженность

народных масс, постепенно растущее разочарование в государственном строе, при котором, в тревожное и ответственное время, не находится выхода из положения. Постепенно и незаметно страна могла соскользнуть к какому-нибудь фашистообразному государственному перевороту. Не надо забывать, что социальное и политическое недовольство усугубляются в Бельгии острой национальной борьбой. Крайние фламандские националисты, т. н. фламминганы, перейдя от борьбы за государственный дуализм к явному сепаратизму, пытаются разложить католическую партию, опирающуюся, в большой степени, на фламандских крестьян...

Какие же средства у рабочей партии для исцеления страны?

Она имеет — план Де-Мана.

За последние годы мысль невольно обращалась к автору «Преодолимого марксизма» и «Конструктивного социализма». Казалось, что человек, поставивший во главу угла волевою действительность в сочетании с духовным ростом и творческим усилением большого стиля, боец и мыслитель, призван стать вождем, которого недостает современному социализму.

Живя последние годы в Германии, Де-Ман настойчиво указывал немецким социал-демократам на их роковые ошибки, но не мог преодолеть косности лидеров, борющихся не с причинами зла, а лишь с симптомами его. После того, как катастрофа разразилась, Де-Ман вернулся в Бельгию. Его задачей стало найти для своей родины творческое преодоление хозяйственного и политического кризиса, спасти народное благосостояние и спасти демократический строй. Идея эта нашла быстрый отклик.

Хозяйственный совет синдикальной комиссии, возглавляющей бельгийские профессиональные союзы, 1) обратился к Де-Ману с просьбой выработать план необходимых преобразований. Поручение это было выполнено. План, выработанный при содействии «Бюро Социальных Исследований, 2) был одобрен «смешанной комиссией (профессиональные союзы, кооперативы, партия, бюро), а затѣм 15-го ноября 1933 года представлен и защищен Де-Маном перед соединенным собранием генерального совета рабочей партии и национального комитета синдикальной комиссии. Единодушно одобренный, он был окончательно принят 25-го декабря конгрессом рабочей партии, с небывалым воодушевлением и единодушием (563.451 голос при 8.500 воздержавшихся.

В чем же состоит самая идея «плана»?

Двуединая задача плана Де-Мана — преодоление хозяйственного кризиса и предотвращение кризиса политического, грозящего демо-

1) Находящес в орбите рабочей партии.

2) Создано самим Де-Маном при рабочей партии.

2) Создано самим Де-Маном.

кратическому строю. В кратком, лапидарном определении, конгресс рабочей партии ставит целью «осуществление плана хозяйственного преобразования, основанного на национализации кредита, главного средства для создания хозяйства, управляемого в целях развития покупательной способности масс населения, дабы обеспечить всем производительный труд и увеличить общее благосостояние».

Таким образом, задача ставится не в классовом, а в общенародном плане. В соответствии с этим, конгресс обращается «ко всем классам населения, страдающим от современного хозяйственного бедствия и ко всем людям доброй воли, без различия партий и вѣрований, для общаго дѣйствія».

Исследуя причины крушения социализма во многих странах, Де-Ман отмѣчает охранительную, консервативную роль его. Защита существующаго положенія, которым, в сущности, все недовольны; пассивная оборона от натиска с двух сторон; борьба, шаг за шагом, против постепеннаго ухудшенія положенія рабочих, изолирующая их от нации... При всем этом, гибель социализма и демократіи становится лишь вопросом времени. Кризис, так сильно подорвавшій престиж капитализма, в то же время необычайно затруднил защиту самых настоящих рабочих интересов. При объединеніи всех стран, распределеніе уменьшившагося національнаго дохода происходит все болѣе несправедливо.

Де-Ман усматривает одну из главных причин побѣды фашизма — в отходѣ социалистическаго движенія к слишком ограниченным целям, интересующим лишь индустриальный пролетаріат, между тѣм как растет недовольство средних классов, растет национализм, растравляемый хозяйственным войной государств, и увеличивается слабость парламентских учреждений. И Де-Ман приходит к своей знаменательной формулѣ: «Не реформа распределенія, а реформа структуры».

В борьбѣ за структурныя реформы, социализм переходит от обороны к наступленію, централизуя все растущее общее недовольство, проводя назрѣвшія преобразования. Словом, он отказывается от принципа «наименьшаго зла» в пользу принципа большаго блага. Из обреченнаго на гибель — он становится непобѣдимым.

Но возможен ли союз со средними классами? Де-Ман указывает на их анти-капиталистическую настроенность, нѣсколько иную, чѣм у рабочих, и дает этому свое объясненіе. Мѣняется характер и капитализма, и средних классов. От прогресса и расцвѣта капитализм перешел к регрессу и сжатію. Финансовый капитал завладѣл главными отраслями промышленности, свободная конкуренція смѣнилась фактической монополіей, космополитическое фронтредерство — националистическим протекционизмом. Вмѣсто конкуренціи производителей — конкуренція стран...

Глубоко измѣнились и средніе классы, появились новыя категории их. Принято было думать, с легкой руки Маркса, что мелкая бур-

жуазія постепенно ослабѣвает, сходит со сцены. Это было отчасти вѣрно применительно к старым средним классам, но совершенно неправильно по отношенію к новым, которые растут численно. В противоположность этому, число рабочих уменьшается вслѣдствіе «автоматизаціи» промышленности, что является новостью громаднаго значенія. Пролетаризація старых средних классов носила персональный характер, пополняя пролетаріат все новыми выходцами из мелкой буржуазіи. Пролетаризація новых — носит характер коллективный, сказываясь в их объединеніи, при чем их, основанное на иерархичности, чувство общаго достоинства лишь усиливается и растет их революціонное настроеніе.

Для старых средних классов характерна их социальная независимость, для новых — их подчиненность капиталу, их посредническая роль.¹⁾ Старые, борясь против режима свободной конкуренціи за режим монополіи (воспоминанія о корпоративном строѣ), борясь против прогрессивнаго оккупатизма, играли в хозяйственной области реакціонную роль, при всем своем революціонном демократизмѣ. Новые, подавленные монополіей финансоваго капитала, встают против режима монополій, против капитализма регрессивнаго, за хозяйственную свободу, будучи, в то же время, зачастую политически реакціонными... Но финансовый капитал и объективно является сейчас центральной позиціей капитализма, господствуя и над хозяйством и, в большой мѣрѣ, над государством и парализуя борьбу рабочих за свои интересы. Поэтому анти-капиталистическое единеніе средних классов с рабочим классом и возможно и целесообразно именно в этом пунктѣ. Как это ни странно, не революціонность, а умѣренность социализма отвращает от него средніе классы. От мелкой борьбы за свои повседневные интересы, чуждые средним классам, давно пора перейти к борьбѣ за радикальныя реформы экономическаго строя.

Эти реформы, лишив финансовый капитал его командных позицій, должны в то же время устранить основныя причины кризиса, уничтожив недопотребленіе, увеличив покупательную силу внутренняго рынка и побѣдив безработицу.

Слѣдует подчеркнуть, что рѣчь идет отнюдь не о созданіи социалистическаго строя, а лишь о строѣ промежуточном, — идея, столь «ужасная» Л. Блюма на памятном июльском конгрессѣ 1933 года.

В интересах націи и при поддержкѣ ея, должна осуществиться «национализация» (т.-е. установленіе режима «services publics») финансоваго капитала и, как слѣдствіе, монополных форм капитала индустриальнаго... основывающих свою подавляющую силу на силѣ финансо-

¹⁾ Отсюда их быстрый рост. Напримѣр, развитіе автомобильной промышленности в Соединенных Штатах создало нѣсколько сот тысяч лиц, обслуживающих со стороны автомобильное дѣло.

ваго капитала». (Разумѣется преимущественно сырье и двигательная сила).

Характерной чертой новаго строя будет раздѣленіе хозяйства на два сектора: государственный и частный. В первый, помимо банков, войдут каменноугольная промышленность, электрическая и часть тяжелой металлургии. Все остальное хозяйство составит частный сектор.

Что разумѣет Де-Ман под націонализацией? Ни в коем случаѣ не бюрократизацию. В Планѣ особо оговорено предоставленіе органам, руководящим хозяйством, исполнительных полномочій, необходимых для быстроты дѣйствій и для сосредоточія отвѣтственности, во избѣжаніе опасностей этицизма.

Государство, уже играющее громадную роль в кредитной области, «увѣнчивает здание», учреждая Кредитный Институт, автономную государственную организацию, которая замѣнит частную монополию кредита — монополией в интересах націи. Частные банки останутся, но Кредитный Институт получит, путем выкупных операций, контрольные пакеты и сможет руководить дѣятельностью банков и распределять кредиты, приспособляя производство к нуждам расширеннаго рынка. Комиссаріат финансов, зависящій от законодательной власти, объединит управление кредитом и монетным режимом.

Что касается национализированных основных индустрій, законодательная власть создаст соответственные администрации предприятий в видѣ консорциумов, точно так же получающих контрольные пакеты, при чем Кредитный Институт выдаст им довѣренность на соответствующія акціи, находящіяся в портфелях банков. Общее руководство принадлежит Комиссаріату Индустрии, тоже отвѣтственному перед законодательной властью. Последняя создаст также совѣщательный хозяйственный Совѣт при комиссаріатах, с правом вносить предложенія в них и в парламент и контролировать дѣятельность комиссаріатов и подвластных им органов.

Общей задачей управления обоими секторами будет согласованіе уровня производства и потребления, при повышеніи их обонх. Но управление частным сектором будет, разумѣется, вестись косвенным способом, путем кредитной, валютной, торговой и фискальной политики государства, а также установленіем условий труда.

В капиталистической части частнаго сектора будет поддерживаться раскрѣпощенная конкуренція «в духѣ инициативы и изобрѣтательности, для развитія производительности, доходности и покупательной силы.

В «трудовой» части того же сектора, сохраняющей единство собственности и труда — поддержка этой собственности, для тѣх же обѣих цѣлей.

Итак, частная монополия кредита, подчиняющая хозяйственную дѣятельность погоня за частной прибылью, вмѣсто удовлетворенія

потребностей цѣлаго составляет препятствіе к увеличенію покупательной способности населенія, и к увеличенію продукции.

Бюро Соціальных Исслѣдованій должно соответственно изучить возможность созданія плана, согласно которому емкость внутреннего рынка увеличится в 3 года на 50 фр., а в 5 лѣтъ — на 100 фр.

Познакомившись, в самых общих чертах, с Планом Труда, читатель сразу же обратит вниманіе на наиболее оригинальную черту его: «раскрѣпощеніе хозяйства, возстановленіе конкуренціи. При этом, довольно логично, Де-Ман исключает из своего поля зрѣнія проблему корпоративнаго хозяйства.

Здѣсь, в самом дѣлѣ, надо выбирать. Корпоративный строй был бы гарантіей от недостатков этицизма, которых Де-Ман опасается настолько, что как будто изымлет управление хозяйством из компетенціи правительства.

Молчаливо подразумевая, что в частном секторѣ будет господствовать психологія буржуазнаго либерализма, Де-Ман как будто не дооцѣнивает силу общаго духовнаго сдвига. Возможно, что он образуется со специально-бельгійскими условиями. Вѣдь, и соотношеніе финансоваго и индустриальнаго капитала не вездѣ таково, как в Бельгій, — хотя бы во Франціи.

Л. Блюм писал недавно, что французскій финансовый капитал, в виду своей распыленности, не поддается мѣрам, пригодным для иных стран. А в Германіи «капитаны промышленности» говорят, быть может, болѣе властным голосом, чѣм финансовые магнаты. Но Де-Ман и не предлагает своего Плана в качестве панацеи. Указывалось на нѣкоторыя аналогіи Плана с совѣтским хозяйством. Рѣчь, очевидно, может идти лишь о нѣпѣ. Но нѣп, помимо ряда коренных различій, был дан со скрежетом зубным, как вынужденная временная уступка, и проводимая при прежнем террорѣ и безправіи населенія. Подобныя сравненія лишь затемняют сущность дѣла.

Хозяйственныя преобразованія требуют, согласно Плану, предварительной политической реформы. Для преодоленія разнаго рода сопротивленій, для быстрой и плодотворной работы, государство должно стать сильным и независимым от частных вліяній. Соответственная экономическая и политическая организация обеспечит независимость и авторитет государства и общественных учреждений по отношенію к денежным силам. Единая Палата депутатов упростит и приоровит к современным нуждам свои методы работы. При выработкѣ законопроектов ей будут способствовать совѣщательные совѣты, из лиц высокой компетентности. Разумѣется, конституціонныя свободы и всеобщее избирательное право останутся незлыблемыми.

Рабочая партія готовит кадры нѣскольких тысяч специалистов-руководителей и для агитаціи за План, и для осуществленія его: Строится громадная организация, скрѣпленная и воодушевленная, и желѣзной дисциплиной. «Довѣренные люди», вожди секцій, торжественно обя-

зуются безоговорочным повиновением в борьбу за План. Агитация ведется во всех кругах населения с большим подъемом, но и с немалой гибкостью и тактом. О результатах говорить еще рано, но нельзя не отметить глубокого впечатлительного во всех кругах и классах. Очень показательным, что, хотя премьер, граф Броквилль, и нападает на «вредные утопии», но многочисленные голоса в буржуазной среде подчеркивают неожиданную для них умеренность Плана.

Официальные верхи католиков и либералов остаются всецело на своей охранительной позиции, но молодые элементы обеих партий — глубоко потрясены. Что касается рабочей партии — она преобразилась, как по волшебству. Еще вчера раздражавшаяся борьбой безкрылых реформистов с утопическими революционерами, она вновь обрела и единство и воодушевление. Реформисты приветствуют практичность и немедленность преобразований; революционеры — их «структурный» характер. Их лидер, Спаак, на конгресс, всецело присоединился к Плану: «Идея — сила Плана — в радикальной перемене наших целей. В средних классах, в классе рабочем — колебание, отчаяние. Почему? Потому что долгие годы мы держались обороны и отрицания. Невозможно поддерживать энтузиазм, сохранять надежды, ограничиваясь словом: нѣтъ!». И далее: «Если политические события не развиваются по линиям Маркса, это не значит, что мы не должны исправить свои позиции». — Из ответа ДеМана: «Вы приняли на себя большую ответственность, Спаак. Вы принадлежали к наиболее недовольным, и это было понятно. Теперь недовольные должны стать авангардом начавшагося действия». Общая овация была ответом. —

«Мистика» Плана быстро завладела душой широких рабочих масс и имеет шансы захлестнуть за пределы и партии, и класса. В соответствии с духом времени, «мистика» эта стимулируется идеей завоевания власти. Прославления ярко волевого начала, упор на ведущую элиту — в большой чести. Настроения эти, не разрушая демократического уклона, могут «омолодить» его, придав ему небывалую действительность.

Рабочая партия, отказываясь участвовать во власти, если План не будет принят, готова зато на союз с любой партией, группой, организацией — принявшей План. Со времени своего основания, партия неоднократно подчеркивала широко-гуманитарную сущность своей идеологии, но, как и повсюду, была затвнена марксизмом. Теперь же, она решительно отказывается от своей пролетарской исключительности и для осуществления Плана создает фронт труда, проникнутый всенародно-освободительным порывом. Дѣлается попытка создать подлинное обще-трудовое объединение. Крестьяне и интеллигенты, рабочие и чиновники, комерсанты и техники, — «все люди доброй воли, без различия партий и вѣрований» призываются создать сообща более счастливую Бельгию. Одни — во имя приближения к социализму, другие — под знаком «*Quadragesimo Anno*».

Это не значит, что страна замкнется в своих национальных рамках. По самым свойствам своего хозяйства (ввоз сырья, вывоз фабрикатов), Бельгия не может думать об автаркии, да и де-Ман и партия не отказываются от своих международных идеалов. Но, при надрытѣ международного хозяйства, при невозможности говорить в рамках хотя бы европейских, остается лишь приложить усилия к преодолению кризиса и созданию управляемого хозяйства — в пределах национальных.

Невозможно предугадать, завершится ли успехом борьба за План Труда, получил ли он осуществление. Будем надеяться, что да, — и ради маленькой Бельгии, и ради великой Европы.

Сергей Жаба.

Книги:

Н. А. СЕТНИЦКИЙ. О конечном идеале. Харбин, 1932 (II+352).

На Дальнем Востоке в Харбине русская культурная жизнь не замирает, несмотря на тяжелые политические условия послѣдняго времени. В 1932 г. в этом городе напечатана большая книга преподавателя юридического факультета Н. А. Сетницкаго «О конечном идеале». Первая часть ее содержит в себе формальные основы учения о конечном идеале человечества в связи с критикою книги проф. П. Новгородцева (б. профессора философии права Московскаго университета) «Об общественном идеале» и статьи проф. Н. Устрялова «Проблема прогресса». Новгородцев путем научнаго анализа устанавливает, что «антиномія личного и общественного начала» не устраняема в пределах земного бытия: «Гармония личности с обществом возможна лишь в том умопостигаемом царствѣ свободы, гдѣ безусловная

и всепроникающая солидарность сочетается с безконечностью индивидуальных различий. В условиях исторической жизни такой гармонии нѣтъ и быть не может» (Об общественном идеале, 3-е изд., стр. 141). Отсюда становится понятным констатируемый Новгородцевым факт «крушения вѣры в совершенное правовое государство», а также вѣры в социализм и анархизм, вообще «крушение идеи земного рая». Относительной правды достижений современнаго правового государства, а также исканій социализма и анархизма Новгородцев не отвергает, но он устанавливает несоизмеримость их с идеалом абсолютнаго добра. Поэтому, чтобы не попасть в безвыходный тупик, необходимо строить идеал земнаго общества, имѣя в виду «свободу безконечнаго развитія личности, а не гармонію законченнаго совершенства» (стр. 25).

Устрялов переносит вопрос о

прогрессъ и конечном идеалѣ в область религиозныхъ учений в связи с проблемою зла и добра. Призывая трагизм эмпирической дѣятельности, в которой жизнь отдѣльнаго человѣка и развитіе общества пронизаны неустраняемыми антиноміями, он утверждает, что абсолютное совершенство есть «божественная задача», «выше человѣческихъ силъ»: она осуществляется путемъ преобразования природы человѣка и всего міра, путемъ рѣзкаго перехода в иное, высшее царство бытія.

В противоположность Новгородцеву и Устрялову, Сетницкій задается цѣлью защитить учение о воплощенности идеальнаго совершенства на землѣ. Он считаетъ эту мысль обязательною для христіанина уже в виду текста Священнаго Писанія: «И Слово стало плотью и обитало с нами...» (Ев. отъ Іоанна, I, 14). Положеніе «Богъ вочеловѣчился, чтобы мы обожились», глубоко усвоенное восточными отцами Церкви и черезъ нихъ православіемъ, онъ понимаетъ, какъ указаніе на то, что человечество способно воплотить в себѣ всю полноту совершенства при условіи, что оно активно, творчески осуществляетъ процессъ обожения и притомъ не какъ отдѣльные лица, а какъ все человѣческое многоединство (21).

Крушеніе всѣхъ идеаловъ совершенства, которые были до сихъ поръ распространены и вліятельны в историческомъ процессѣ, Сетницкій объясняетъ тѣмъ, что они были дробными и, слѣдовательно, дефектными. Всѣ они ми-

ряются с фактомъ смерти, проектируютъ рай только для нѣкоторой группы избранныхъ: в христіанскій рай входятъ лишь праведники, а в коммунистическій — лишь тѣ люди, которые дожили до переворота, причемъ и они рано или поздно обречены на смерть. Цѣлостный идеал, по замыслу Сетницкаго, содержитъ в себѣ планъ безсмертнаго, счастливаго существованія всѣхъ людей безъ исключенія и опредѣляетъ способъ воплощенія его (стр. 66). Символически выраженъ цѣлостный идеал, по мнѣнію Сетницкаго, в Апокалипсисѣ; вторая часть его книги содержитъ в себѣ попытку истолковать символы апостола Іоанна. В современной литературѣ очеркъ цѣлостнаго идеала онъ находитъ в ученіи русскаго философа Н. Ф. Федорова (умеръ в 1903 г.), собраніе статей котораго было издано с успѣхомъ подъ заглавіемъ «Философія общаго дѣла».

Свое ученіе Федоровъ связывалъ с христіанскою религіею, именно с православіемъ, какъ тѣмъ вѣроисповѣданіемъ, которое особенно цѣнитъ идею воскресенія (праздникъ Пасхи) и вѣчной жизни. Долгъ человѣка — вступить на путь супраморализма, осуществить синтезъ теоретическаго и практическаго разума и стать разумомъ вселенной. Путемъ знанія и дѣянія человѣкъ долженъ превратить всѣ силы природы, теперь слѣпныя и часто враждебныя человѣку, в орудія и органы человечества. Достигнувъ управленія природою, человечество можетъ преодолѣть смерть; мало того, оно можетъ и должно по-

ставить задачу трудового воскрешенія всѣхъ своихъ предковъ. Ставъ многоединымъ, подобно Троициству Божію, Отца, Сына и Духа Святаго, человечество достигнетъ такой «нераздѣльности и несліянности», при которой невозможны никакіе распады, никакая изоляція, т. е. смерть. Къ числу важнѣйшихъ средствъ для достиженія этой цѣли принадлежитъ знаніе и соотвѣтствующая техника. Человѣкъ долженъ овладѣть атмосферическими явленіями, каптировать атмосферическое электричество; далѣе, подчинивъ себѣ электромагнитную энергію Земли, онъ долженъ научиться управлять движеніемъ ея, т. е. превратить Землю в Землеход. Тогда станетъ возможнымъ расселеніе человечества на другихъ планетахъ и вообще небесныхъ тѣлахъ.

Общественный порядокъ, существовавшій до сихъ поръ, Федоровъ называетъ зооморфическимъ: онъ основанъ на раздѣленіи сознающихъ и руководящихъ органовъ отъ исполняющихъ органовъ. Отсюда неизбежны сословныя или классовыя раздѣленія. Идеальный общественный строй, по Федорову, долженъ быть построенъ на единствѣ сознанія и дѣянія. При немъ нѣтъ раздѣленія на сословія и классы, нѣтъ военнаго и полицейскаго принужденія, нѣтъ также «деміургической», т. е. ремесленной дѣятельности, оформляющей извнѣ данные матеріалы и отношенія. В идеальномъ строѣ, который Федоровъ называетъ «психократіею», каждое лицо исполняетъ свой долгъ, сознавая необ-

ходимость стоящихъ передъ нимъ задачъ.

Сетницкій утверждаетъ, что сблженіе знанія и дѣянія осуществляется в Совѣтской Россіи, гдѣ научная дѣятельность понимается, какъ «своеобразная командировка» способныхъ лицъ для выполненія ими «повинности познанія» слѣпыхъ и убійственныхъ силъ природы и, кромѣ того, требованіе, чтобы всѣ дѣятели, исполняющіе ту или иную социальную функцію (служащіе и чиновники), в то же время осуществляли работу изученія и познанія в той сферѣ дѣятельности, которая имъ поручается». Точно такъ же во многихъ техническихъ проектахъ совѣтскаго правительства онъ усматриваетъ «несомнѣнное воздѣйствіе и осуществленіе Федоровскихъ идей, хотя по большей части его имя, какъ окрашенное весьма сильно в религиозныя цвѣта, не упоминается и даже смыслъ и связь этихъ дѣлъ с замыслами Федорова не сознается. Такъ, наиболѣе яркимъ примѣромъ в этой области является рецензія в совѣтской дѣятельности того направленія, которое придано Федоровымъ борьбѣ с засухою». «То же самое слѣдуетъ сказать о послѣднихъ проектахъ использования водныхъ путей СССР» (проблема «Большой Волги», орошенія Туркестана и т. д., стр. 82).

Можно было бы здѣсь указать и еще болѣе смѣлые замыслы, обсуждавшіеся в совѣтской прессѣ, напримѣр, проектъ отопленія Сибири путемъ размѣненія пути Гольфстрема и отклоненія полярныхъ льдовъ къ Англіи с цѣлью за-

морозить ее, как страну, являющуюся воплощением ненавистного капитализма. В действительности, как известно, даже и осуществимые технические проекты не ведут в Советской России к возрастанию материального благополучия. Достоевский давно уже предсказал, что попытка строить «Вавилонскую Башню» только на основах науки «без Бога и религии», без нравственного обоснования общественных отношений, как это делается советскими коммунистами, неизбежно приведет к совершенному обнищанию и омертвлению.

Призыв Сетницкого осуществлять идеальное совершенство на землѣ, а не в потустороннем Царствѣ Божіем глубоко отличается от советскаго строительства тѣм, что опирается на христианскую мораль, не допускающую третированія цѣлых групп населенія, как навоза для удобренія полей, жатвою с которых будут питаться будущія поколѣнія. Он хочет построить царство счастья для всѣх без исключения. Однако для него, как и для Н. Федорова, характерно чрезмѣрное преувеличеніе значенія техники, регулирующей природу. Последний шаг для достиженія абсолютнаго совершенства осуществляется не техникою, а глубоким нравственным перерожденіем человѣческаго я, свободным преодоленіем в себѣ всякой эгоистической исключительности, т. е. поднятіем на ту ступень, на которой человек подлинно любит Бога больше себя, и ближняго, как самого себя. Слѣдствіем этого внутренняго

переворота является преображеніе тѣла, столь глубокое, что техника, управляющая неприрожденною матеріею, становится излишнею. Однако в земных условиях, гдѣ этот идеал не осуществлен, человек нравственно обязан использовать и нашу технику для максимальной гармонизаціи жизни, достижимой в земных условиях. Как раз в наше время человѣчество начинает ставить все болѣе смѣлыя техническія и социальныя задачи. Для работы над ними нужен энтузіазм, доводящій человека до самозабвенія, побуждающій считать рѣшеніе их осуществленіем Царства Божія на землѣ, а не просто одним из этапов на пути к совершенству. Быть может, это одна из уловок «хитрости разума» (термин Гегеля), руководящаго историческим процессом, что в наше время появляются такія ученія, как философія Федорова и Сетницкаго, черезчур преувеличивающіе значеніе техники.

Н. Лосскій.

Friedrich v. GOTTLI-OETTLI-LIENFELD. Der Mythos der Planwirtschaft. Verlag Gustav Fischer. Jena 1932. S. 114.

В настоящее время каждый экономист так или иначе подходит к проблемѣ государственнаго вмѣшательства в хозяйственную жизнь. Не только в научных книгах, но и в газетах постоянно приходится встрѣчать разныя соображенія о пользѣ или вредѣ «плановаго хозяйства»,

причем авторы вкладывают в это понятіе различное содержаніе. Получается впечатленіе, что этот научный термин превратился в боевой лозунг и служит противоположным политическим страстям. Поэтому появленіе небольшой, но весьма содержательной и вполне научной книги о плановом хозяйствѣ, написанной теоретическим отцом рационализаціи и авторитетным экономистом экономистом Фридрихом фон Готль, не может не обратить на себя вниманіе специалистов. Автор поставил себѣ интересную и полезную цѣль разобраться в возможных значеніях термина «плановое хозяйство» и намѣтить границы для здороваго вмѣшательства государства в хозяйственную жизнь.

Являясь противником экономического либерализма в его чистой формѣ и считая принцип «laissez faire» за вредный миф, фон Готль все-же отказывается признать за свободным хозяйством его якобы совѣм безплановый и как бы даже анархическій характер. Он справедливо отмѣчает, что и в условиях экономического либерализма народное хозяйство подчиняется «техническому регулированію» со стороны отдѣльных единичных хозяйств и не может избѣгнуть дѣйствительнаго вмѣшательства торговых традицій и обычнаго права. Однако это по существу «свободное» регулированіе хозяйственной жизни еще не создает плановаго хозяйства, так как оно лишено единой руководящей идеи — что впрочем не

означает побѣды хаоса над разумом. Не имѣет такой идеи также и «принудительное регулированіе» со стороны частно-хозяйственных монополій и профессиональных объединеній. Лишь вмѣшательство государства в свободную игру производительных сил, даже элементарными мѣрами повседневной экономической политики, привносит нѣкоторую подлинную «плановость» в техническое и бытовое регулированіе хозяйства со стороны его частнаго сектора. Отсюда фон Готль заключает, что частичное проявленіе «плановаго хозяйства» присуще всякой исторической стадіи капитализма. Если все-же эта система не является по существу плановой, то это можно объяснить лишь тѣм, что экономическая политика капиталистическаго государства не проявляет должной согласованности всѣх своих мѣроприятий. Только рационализація государственнаго вмѣшательства в экономику страны в духѣ той или иной направляющей идеи, хотя бы и не имѣющей «цѣлостнаго» характера, может создать — по мнѣнію автора — единственно возможную форму плановаго хозяйства, в которой техническое регулированіе со стороны частнаго сектора найдет для себя полезную, а подчас и необходимую, корректуру в формѣ регулятивнаго этатизма. Отсюда мы видим, что фон Готль не мыслит плановаго хозяйства в интегральном видѣ, гдѣ плановый момент сказался бы не только в рационализаціи экономической поли-

тики, но и в поглощеніи технического и бытового регулирования принудительным хозяйственным планом государства.

К сожалѣнію, автор придает столь большое значеніе упорядоченію государственнаго вмешательства в хозяйственную жизнь в его настоящих переходных формах, что не отдает себѣ должнаго отчета в тѣх грандіозных и активных задачах, которыя ставятся перед государством дальнейшей эволюціей капиталистическаго строя. Хотя фон Готль признает, что регулятивный этатизм вырос за послѣдніе годы, он все-же считает это явленіе случайным и несущественным. По мысли автора государственное вмешательство развивается волнообразно и не является показателем каких-либо структурных измѣненій в капитализмѣ. Даже рационализациа экономической политики государства, создающая «плановое хозяйство» *sui generis*, не реформирует, а лишь нѣсколько усовершенствует (по его мнѣнію) хозяйственный строй, устраняя хаос, вызываемый случайными мѣропріятіями власти, и обезпечивая государству возможность дѣйствительнаго вмешательства при переборах в техническом и бытовом регулированіи со стороны частнаго сектора.

Нам думается, что стремленіе автора разрушить легенду о постепенном вростаніи капитализма в интегральное плановое хозяйство, которое он вообще считает практически неосуществимым, приводит его, к сожалѣнію, к явной

переоцѣнкѣ повторяемости экономических явленій. Въдь никогда рост регулятивнаго этатизма не был столь неизбежен как в условиях современнаго глубокаго разрыва между производством и потребленіем, вызваннаго послѣдней технической революціей. Въдь дальнѣйшаго осторожнаго расширения государственнаго вмешательства в народное хозяйство сейчас не может быть дѣйствительной рационализациа экономической политики, которую так настоятельно рекомендует фон Готль. К тому-же подчиненіе принудительнаго регулированія со стороны государства единой руководящей идеѣ не сможет не вызвать в данном хозяйствѣ цѣлаго ряда существенных реформ в духѣ господствующаго міровоззрѣнія. Не подлежит сомнѣнію, что содержательный и весьма полезный труд фон Готля выиграл бы в своем объективном значеніи и даже в логической стройности, если бы автор отказался от своего утвержденія, что рост регулятивнаго этатизма, наблюдаемый в наши дни, является лишь периодическим явленіем.

Б. С. Ивболдин.

FEDOR STEPUN. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern/Leipzig. Gotthelf-Verlag, 1934.

Это небольшая, блестяще написанная книжечка двойным образом связана с «Новым Градом»: именем автора, одного из его ре-

дакторов, и той общностью историко-философских идей, которая его связывает с двумя другими. Об этой связи свидѣлствуют и цитаты из их книг в первых главах, дающих схематическій портрет старой Россіи: природа, крестьянство, интеллигенція, монархія. Но и в здѣсь, конечно, вклад самого автора весьма значителен, и русскій читатель узнает многія из «Мыслей о Россіи», печатавшихся годами в «Современных Записках». Такова основная степуновская интуиція русской религиозности, которая непосредственно связывается им с созерцаеміем русской земли: как безконечность (максимализм) и безформенность (варварство). Большеизм для автора есть «псевдоморфоза», или отрицательная форма этой русской религиозности. В анализѣ русской революціи и особенно идей ленинизма, которому посвящена вторая часть, Степун вполне оригинален и вполне свободен от возможнаго упрека в схематизмѣ. Убийственно вскрыты всѣ парадоксы марксизма в крестьянской революціи, дана мастерскими штрихами философія революціи, как таковой, с ея гибелью реакціонных и революціонных идеологій, и даже нарисован конкретный образ большевистской диктатуры первых лѣтъ, беспощадный и правдивый. Ярко вскрытыя безумія и мнимость революціи, как идеологии, не отбрасывают автора в контр-революціонный стан. По новгородски он борется против большеизма и слѣва и справа за новую Россію, трезвую и очищенную страданіем, призванную к

«примиренію идей» на почвѣ, удобренной пеплом идеологии». Нужно ли говорить о мастерствѣ, с которым написана книга? Тѣм из наших читателей, кто знает лишь русскаго Степуна, скажем, что, повидимому, нѣмецкій язык дает полную мѣру всѣх возможностей его стили. Этот пынящій кубок, гдѣ философскія абстракціи играют и искрятся с легкостью, не отнимающей ничего у глубокой, порой трагической серьезности, только и возможен для языка Гете и Ницше. Степун владѣет им, как артист и как мыслитель.

Г. Ф.

МЕЧ. Еженедѣльникъ. Варшава. №№ 1-6.

Новый журнал является органом объединенія двух литературных кружков: парижскаго и варшавскаго, группирующихся вокруг обоих редакторов — Мережковскаго и Философова. В отличіе от большинства литературных предпріятій эмиграціи, новый журнал хочет быть не просто литературой, а глашатаем эмигрантскаго активизма. Опасности, угрожающія застою и смерти нашему зарубежному литературному стапу, показаны вѣрно и безстрашно. Не совсѣм ясны средства, предлагаемыя для их преодоленія. По словам передовой статьи перваго номера, «в редакціи нашей (т.-е. варшавской), дѣлается особый «нажим» на активизм политической. В Парижѣ дѣлается «нажим» на активизм идеологическій и творческій». Дѣйствительно, у нас создалось вле-

чатлївнїе, что спайка двух групп носит нѣсколько случайный и личный характер. Думаем, что для многих парижан, их участие в журналѣ объясняется крайней аполитичностью и равнодушіем к варшавским методам активизма. Лишь о послѣднем мы от лица «Новаго Града», как органа тоже социальна-политическаго активизма, обязаны сказать нѣсколько слов. Чисто политических статей в «Мечѣ» не много, но онѣ характерны. Сама редакция объявляет войну «казенному демократизму» во имя «здороваго націонализма». В нѣскольких письмах из Франціи г. Рязанцев дает анализ февральских событій и настроений молодежи с точки зрѣнія ея крайне-праваго националистическаго крыла. По его словам, во Франціи торжествует Гобино, и «единственной живительной струей, которой мы дышим, является Германія». (Цитата из «La revue hebdomadaire»). Конечно, в настроениях французской молодежи можно найти все, что угодно. Мы ищем единомышленников среди группы «Esprit» и не можем запретить Рязанцеву искать их сре-

ди французских гитлеровцев. В № 6 в статьѣ Браунера «Меч» успѣшил дать анологию болгарскаго переворота. Если прибавить, что свобода вообще не значитя в числѣ тѣх цѣнностей, которыя собирается защищать журнал, что анти-фашистскія настроенія бичуются как смѣшной мнѣ, то мы вправѣ расшифровать активизм «Меча», как попытку литературнаго выраженія фашистских настроений в русской эмиграціи. Характерно, что, по свидѣтельству редакціи, ея стремленія «нашли живой отклик в кругах Національнаго Союза Новаго Поколѣнія». В такой средѣ защита Мережковским религіознаго гуманизма и слова Злобина о свободѣ повисли в воздухѣ. Говорим это с чувством большой горечи, так как до сих пор привыкли видѣть Д. С. Мережковскаго и его друзей в рядах защитников свободы. Но таква печальная логика политическаго активизма. Меч не обоюдоострый, бьющій только налево (или направо), неизбежно обращается против свободы.

Г. Ф.

Le Gérant : I. Rosel-Chiot.